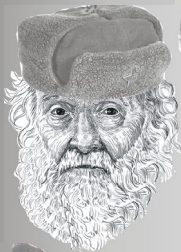

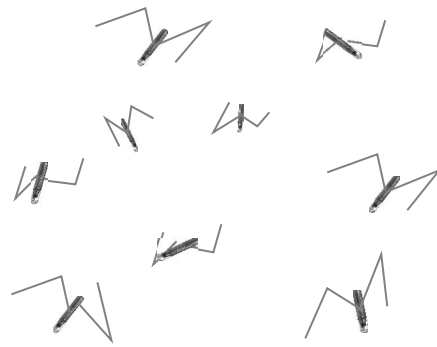
Ю. СОКОЛОВ

ЧИСТАЯ
ДУША

В ПОМОЩЬ РУССКОМУ
ВЫПИВАЮЩЕМУ ЧЕЛОВЕКУ

ЮРИЙ СОКОЛОВ

ЧИСТАЯ ДУША

МОСКВА

2009

УДК:

ББК:

ISBN:

Соколов Ю.Ф.

Чистая душа: Эссе – М.,2009. – 41 с.

Эта книга отчасти эссе о русской душе, где в своеобразной гротесковой форме идет изложение, начиная с исповеди русского пьющего интеллигента и заканчивая историями из жизни жителей русской «глубинки». Живой язык, яркие образы, тонкий юмор и ирония. Книга никого не оставит равнодушным, вызывая в процессе чтения самые разнообразные эмоции: от неприятия до истинного удовольствия. А кому-то даже поможет найти ответ на актуальные вопросы.

ISBN

Содержание

Глава первая (<i>Итак, я начинаю с обращения</i>).....	5
Глава вторая (<i>В ней мои детские наблюдения и впечатления от взрослых выпивающих дяденек</i>).....	6
Глава третья (<i>Подготовка к войне</i>).....	6
Глава четвертая (<i>О женщинах</i>).....	8
Глава пятая (<i>Из личной жизни</i>).....	10
Глава шестая (<i>О роли «трах-баха» после бодуна</i>).....	12
Глава седьмая (<i>Телеграф и генерал правого фланга</i>).....	12
Глава восьмая (<i>Телефон и «трах-бах»</i>).....	12
Глава девятая (<i>«Секретная» папка генерала левого фланга</i>).....	16
Глава десятая (<i>В ней я продолжаю изумляться, всё внимательнее и внимательнее вчитываясь в рассуждения генерала левого фланга</i>).....	18
Глава одиннадцатая (<i>О скромности генерала левого фланга</i>).....	20
Глава двенадцатая (<i>Из записей генерала под общим названием «Бой за урожай»</i>).....	20
Глава тринадцатая (<i>Продолжение записок генерала</i>).....	21
Глава четырнадцатая (<i>Из записок генерала. История деда Мухи</i>).....	25
Глава пятнадцатая (<i>Визит генерала</i>).....	27
Глава шестнадцатая (<i>Продолжение записок. Вызволение милицейского «уазика» и первая встреча с Пушкиным</i>).....	28
Глава семнадцатая (<i>Из дневника генерала. В гостях у Марьи</i>).....	32
Глава восемнадцатая (<i>Неожиданный звонок в дверь</i>).....	33
Глава девятнадцатая (<i>Продолжение записей. Долгое застолье</i>).....	34
Глава двадцатая (<i>Из дневника генерала. Ошибочка вышла</i>).....	42
Глава двадцать первая (<i>Продолжение записей. Родственные души</i>).....	43
Глава двадцать вторая (<i>Заключительная</i>).....	45
Послесловие (<i>Из дневника генерала</i>).....	45

Глава первая

(Итак, я начинаю с обращения)

– Друзья! К вам обращается такой же, как и вы, человек, которого в детстве научили выпивать старшие товарищи. Боже мой! Какая череда лиц, образов, неадекватных талантливых личностей, которые обогатили мою душу через простой гранёный стакан. О, этот божественный терпкий запах перегара из мудрых, потрескивающих от сушняка трубогорящих губ. Неуверенные детские движения кургузых пальцев, тянущихся к остаткам утренней бутылки. Пулемётная зубная дробь о края стакана. Сосредоточенное глазное яблоко, подёрнутое лиловой краснотой... Поэзия!

А за окном реальный мир. Ходят трезвые люди, едут трезвые машины. В банках сидят трезвые молоденькие мальчики и девочки с уверенностью, что они будущие властелины своей судьбы и судьбы Руси великой.

Окно, за которым всё это происходит, разделяет «нас» и «их».

Они – труженики быта, герои повседневной жизни, цвет нации во всём его трезвопрекрасном проявлении.

Мы – алкоголики, бытовые пьяницы, алкаши, квасящие с утра до вечера либо дорогой коньяк, либо палёную водку. Короче: животные, отбросы человеческого общества. Стоящие, лежащие или валяющиеся на последней грязной ступени великого, гармоничного храма трезвой жизни. О, эта жирная со всех сторон заточенная как бритва, разделяющая «нас» и «их» социально-безжалостная черта.

– Пьяница, это уже не человек! – Кричат «они». – Это отброс общества, гнилая кость, лежащая в сточной канаве наших золотых и чудесных испражнений!

Когда идёт дождь, то некоторые добрые старушки, раскрывая свой выдавший виды полурванный зонтик, говорят своим внуку или внучке: «Смотри, Боженька писает...».

– Извините, сейчас тяпну сто пятьдесят и продолжу...: «Фу-у-у! Эхх...».

– Так вот: если Боженька писает на нас – мы умиляемся. А теперь представим себе всю армию пьющих людей, которая якобы сброшена трезвообразным сознанием непьющих, которая лежит, вернее, валяется в сточной канаве ваших, дорогие мои трезвяки, испражнений.

– О чём это я? ...А-а! Так вот: мы, алконоиды, бухальщики, трясуны, синие грифоны, бухари-тихушники всё пьём и пьём помимо спиртного ещё и вашу трезвую мочу. А как же! Мы же валяемся в вашей сточной канаве, куда вы нас определили. Но поверьте, никому из нас от вашей трезвой мочи не хочется трезветь.

У вас свой мир – у нас свой, и точка.

Вас миллиарды – нас миллионы.

Вы армия – и мы армия... Будем воевать?

– Будем! – Твёрдо отвечают трезвенники.

– Хорошо. – Мягко отвечает «спиртовой» человек. – Но учтите, воюют не числом, а умением, как сказал кто-то, кто в неприлично преклонном возрасте спускался на заднице с высоченных, крутых гор, заходя противнику в тыл. Кстати сказать, сам он в той компании солдат погубил множество.

– По-моему, я слегка потерял нить своей главной мысли. Одну минуту. О, ровно десять булек. Как раз та доза, которая мне была нужна. До второй главы у нас с тобой, дорогой читатель, есть полминутки. Если хочешь немного промочить горло, то я с удовольствием тебя угощу отменнейшей украинской горилкой, которую мне привёз вчера мой приятель гастарбайтер.

Вижу по твоим глазам, что ты – наш человек. Давай-давай, не стесняйся. Вот свежий хрустящий огурчик прямо, можно сказать, с грядки, соседка презентовала... Ну, будем? Будем! А-ах, хорошо!

Глава вторая

(В ней мои детские наблюдения и впечатления от взрослых выпивающих дяденек)

Взрослый выпивающий дяденька: «Запомни, малыш. Если с тобой кто-нибудь говорит на скотском серьёзе больше семи минут, значит, – это полный идиот. Беги от него мотоциклом, сверкая пятками».

Я: «Почему, дядя?».

Взрослый выпивающий дяденька: «Потому что он... идиот! А ты знаешь, что такое идиот?».

Я: «Нет».

Взрослый выпивающий дяденька: «Идиот – это..., это, короче, против него бессилён даже самый мудрый философ. Он будет тупо доканывать все твои жизненные позиции. Этот гавнюк хуже «Чикотилы». Он будет бить своей мыслью, а она у него, заметь, всего одна, как ножом, только в одно место, только в одно!».

Я: «А почему в одно?».

Взрослый выпивающий дяденька: «А потому что он профессионал удачи. А ты, ещё несостоявшийся в жизни мышонок, будешь вяло, с ужасом, попискивать при каждом новом ударе... На-ка, лучше глотни портвейнчику. В общем, будь счастлив, малыш, и помни, что я тебе сказал».

Глава третья

(Подготовка к войне)

У «них» новейшие, современные препараты. Таблетки, торпеды, капельницы (хотя это уже вчерашний день).

Самое главное оружие, которым они обладают сегодня, – это инъекция мощнейшей мозговой атаки. Что она в себя включает: компьютеры, рекламу, телевидение, где показывают ужасающие результаты мозговой деятельности бывшего пьющего человека. То есть, потухший взгляд. Магнитофонная лента в обоих полушариях, которая выдаёт через сведённые губы псевдорадостные слова, как например: «Раньше я был беспросветным алкоголиком. Пропивал всю зарплату, продавал вещи из дома... Из-за этого я потерял всех друзей, семью, работу и т.д.».

Довольные трезвяки, слушая такого несчастного, улыбаются и шепчут себе под нос: «Победа, наконец-то!».

Только, уважаемые господа-трезвяки, рано радуетесь. У «нас», пьющих, природное стопятидесятипроцентное интуитивнейшее чутьё на такого рода зомбирование.

Эй, США, вы понимаете, о чём мы?... Они понимают. Они, «штатники», тратят миллиарды долларов, создают всевозможные институты, научные центры, чтобы разрушить Россию изнутри. Самое их заветное желание – это пробиться к мозжечку русского человека и вложить туда свой «чип–зомби», чтобы потом из любой точки нашей планеты управлять нами, как марионетками.

Примеры?... Пожалуйста. Всевозможные блокбастеры, боевики, фильмы ужасов. Далее идут документальные фильмы о природе, где сильный подвид пожирает слабого. Причём показывается это очень подробно, крупным планом. Камера смакует каждую деталь насилия. Бесовщина и только.

Что-то меня слегка подташнивает. Видимо время острограть. Эх-ана! Хорошо пошла. Катим дальше. Однажды кто-то из ихних великих серых умов придумал так:

– Настала пора окончательно спойть всю Россию. Тогда начнется хаос во всём и бери её, дорогушу, голыми руками.

Хрен с маслом, не вышло! Армия алкоголиков мгновенно, тотально мобилизовалась. Ихний «Абсолют» в сочетании с палёной водкой плюс фанга и плавленный сырок дали потрясающие результаты. Мысль русского человека обострилась до кинжально-точечного удара по всем вражеским информативно-зомбированным чипам. В научных центрах и секретных институтах «штатовцев» началась просто паника.

В городе Серпухов в этот период было разработано потрясающее по своей уникальности изобретение. Оно заключалось в том, что ни одна подводная лодка противника никогда не сможет перехватить какие-либо сигналы нашей русской подлодки. Никакими локаторами последнего поколения запеленговать эту лодку тоже невозможно.

Как раз в этот момент там находилась американская делегация спецов. После того, как им был устроен банкет по случаю их отъезда, один из изобретателей, тот, которому принадлежала главная идея этого чудо-изобретения, выпив три флакона сорокоградусной «блондинки», расчувствовавшись, проболтался «америкозам» и в запале международного благодушия даже начертил на салфетке некоторые ключевые схемы.

Наутро двое его коллег за похмельной «Гжелкой» честили бедолагу:

– Сволочь, изменил родине! За стакан проданся!

Тот долго молчал, пока его гневил. Наконец обвинители сжалились над изменником и налили ему стакан. Провинившийся никак не ожидал такого снисхождения со стороны коллег. Хряпнув стакан одним махом, изменник тут же ожил и, смачно закусив солёным огурцом, весело сообщил товарищам:

– Ребя, я бы им никогда не сказал про пеленг-неуловимку, если бы у меня не было еще одной, самой последней разработки. Помните, мы Мишке крыло в гараже вытягивали. Он нас ещё бурдой какой-то фирменной поил, текила, что-ли..., так вот, когда вы в салоне завалились – мне стало скучно. Я пошёл в ларёк, душа добавки просила. Будил вас, будил, так и пришлось всё в одну дыню... И тут меня осенило! Короче, формула у тебя, Саня, прям на стенке нафигачена. Извини, пробойник, правда, твой затупил, писать было нечем.

И этих Кулибиных, дорогой читатель, знает лично ваш покорный слуга. Да и вообще, все «их» исследования по поводу загадочной русской души, заканчиваются одним выводом. Самая чистая душа – у русского человека. Заметьте, не у француза, не у гвинейца, не у араба.

– Почему!?! – Мучаются западные учёные. – Они же варвары! Отстают от нас по цивилизации на пятьдесят восемь лет. Может быть, в этом причина? В нетронутым цивилизацией коконе идиотизма?

– Господи, какие же вы, ребята, синтетические. Открою, так и быть, вам наконец секрет той самой чистой души или загадочной, как пожелаете.

Самое важное в этом деле, кто что пьёт. Пройдёмся по странам. Что, в основном, пьёт, скажем, француз? Вино. Американец – виски. Японец – соке. Испанец – граппу. Ну, а уроженец Непала, вообще, бурдючную настойку кокосового сока, которая, кстати, убивает у мужчины все желания плотского характера, поэтому их бедный король приказал с целью поднятия рождаемости делать даже уличные поилки для утоления жажды в виде зазывного фаллоса.

Ну, а что же русский человек? Конечно, водка! Эта доминанта ему необходима. Вернее не ему, а его широкой, всеобъемлющей душе. Ведь каждый день в неё кто

только не какает. Чем же её очищать? Правильно! Только ею родимой. Она даёт душе стерильность. Она защищает русского человека от всех гнусностей этого цивилизованного мира. Кто-то мне может возразить:

– А как же виски? Это ведь тоже крепкий, ядрёный напиток?

– Хренотень, доложу я вам. Это пойло во сто раз хуже нашей родной самогонки, настоящей на курином помёте.

Представим себе американца, выпившего двойной виски. Через минуту он уже чувствует себя героем и суперменом. Виски делает удар, прежде всего, по его душе. А душа не в силах вынести такой вони и начинает моментально закрываться. То есть всё идёт в мозги. А мозги-то слабенькие. Да их ещё взяли и разъединили с душой. Что получается? Агрессивный кабан, которому нужно во что-то ударить своим тупым черепком. Неважно во что.

Тут дотошный «штатовец» может меня ущипнуть:

– А как же, мол, ваша самогонка, которая на курином помёте? Она же тоже бьёт в русскую душу своим отвратительным запахом?

Отвечаю: «За свою жизнь русская душа видела столько говна, что куриный помёт для неё – просто птичье молоко».

– Неразделимость души и мозга – вот главная составляющая победы русской души над всеми.

Здесь я сделаю паузу (сейчас будет вполне уместно пропустить стольничек холодной «блондинки»).

Глава четвертая (О женщинах)

Как утверждают многие, а это так и есть, что самые красивые женщины, как правило, рождаются в России. Конечно, дорогие мои, западные земледруги. С какого рожна ей быть некрасивой? Она же – русский человек, а, следовательно, чистая душа. А какие глаза у чистой души? Правильно, прекрасные! Поэтому, совсем неважно в каком теле находится чистая душа с прекрасными глазами. Будь оно толстое с короткими ногами или с вывихнутыми лодыжками – оно тоже прекрасно! Французы в таких случаях говорят: «О, адмираль! У этой женщины неподражаемый шарм!».

– Это ж надо так обозвать душу!

Вы думаете, откуда появилось гнилое словечко имидж, имиджмейкеры? Отвечаю. От нечистой души. От души, которую уже не отмоешь, не отскребёшь, потому что вовремя не была сделана профилактика. Как часто эта «неотмытая» разговаривала с другой душой по душам, а? Нет, конечно.

Американские «чипы-зомби», как я уже упоминал выше, держали её постоянно взаперти. А когда душа несвободна – она начинает гореть. Тут вполне уместно вспомнить замечательного русского писателя Леонида Андреева, который в таких случаях говорил: «Когда душа горит – из напёрстка её не зальёшь. Чтобы душа разговорилась, ей нужен стакан... И только на третий день начинается приятное пьянство».

Эй, «штатники». Вы хоть понимаете, какой это сложный процесс? А вы всё – имидж, имиджмейкеры, стилисты... Вот они и замазывают внутреннее гниение яркой, внешней обёрткой. Тьфу!

Батюшки, кого я вижу! Ко мне пришла делегация трезвяков. Ну, теперь можно перезарядить наши пьяные пушки, и дать возможность погреть сбитыми прицелами несчастным трезвякам.

Трезвяки: «Как вы можете! Это же безнравственно! Этой ересью вы зародите у юного читателя (если он, конечно, умный мальчик) мысль о полном отрицании государства! Он начнёт думать, как анархист! Начнёт изучать Ницше, Фрейд. Наконец, читать «Майн камф» Гитлера. Ваши пьяные мозги уведут его невесту куда! Он перестанет читать Толстого, Куприна, Чехова, Достоевского! А это гордость мировой культуры. Читая эти книги, человек становится лучше, чище, добрее, разве не так?».

Я: «Во-первых, спросите сейчас у любого, зомбированного рекламой школьника, что он на данный момент читает из классиков. Он на вас посмотрит, как на душевнобольного, или как на первобытного человека, который стоит перед ним в шкуре мамонта с дубиной в руках».

– Кстати о классиках. Ещё в те мохнатые времена, когда не было «компов», запад уже тогда действовал на Россию своими, по тогдашнему времени, порнографическими романами. Не буду называть авторов, ставших в один ряд с нашими русскими классиками. Опять же... кто их туда поставил? Ну да Бог с ними.

Трезвяки: «Ну, а против Чехова, надеемся, вы ничего не имеете?».

Я: «Антон Павловича уважаю безмерно. Он очень точно сказал, что талантливый человек в России не может быть чистеньким и трезвым. А как точно дал рецепт русскому интеллигенту: «Хотя бы раз в полгода русский интеллигент должен напиваться до поросычьего визга». Слава Богу, что у нас пока не так уж много чистеньких и трезвых».

Трезвяки: «Это вы про что?».

Я: «Это я про талант. А насчёт чистеньких и трезвых, так их сейчас стало что-то слишком прибавляться. Как бы от них не настала хана нашей великой и могучей. Господа-трезвяки, прошу прощения, мне срочно нужно отлить, а затем влить... Не возражаете, если я всё это сделаю одновременно? Э-э-нти-и! Как пошла, родимая, как пошла!».

Трезвяки: «Что вы делаете?!».

Я: «Бронируюсь».

Трезвяки: «От кого?».

Я: «От вас, трезвяков. Вы ведь нам, воинам похмельного войска, объявили войну. Кто тут у вас главный? Выходи на поединок как в старые добрые времена! Два полководца между двух армий. На мечях или на палицах, неважно. Главное, сохранить людей».

В толпе трезвяков началась какая-то возня. Кто-то, видимо главный, пытался пробиться ко мне, расталкивая своих соратников: «Пустите же меня, не хватайте за руки! – Его голос был визглив и резок. Он потрепыхался ещё несколько секунд, видимо удерживаемый своими телохранителями и вдруг изменил свой тембр на кошачье-мягкое урчание: – Так и я за то же, голубчик! Мы же все и с той и с другой стороны русские. Какой же нам смысл ломать, так сказать, копья? Наоборот, нам надо объединиться в борьбе с пьянством, и тогда всё будет хорошо!

– Чтобы я сотрудничал с врагом? Никогда! Мы, армия алкоголиков, будем стоять насмерть! Ваши понятия добра и зла приведут к полнейшему краху человечества. Мне блевать хочется от вашей пробирочной чести, доблести, совести...

– Но позвольте!...

– Не позволю! Короче, чукаться будем или нет?

– Простите, не понял?

– Драться, говорю. Биться грудь в грудь. Да, предупреждаю, ведь и в рубище почтенна добродетель. С левой я, как правило, уношу челюсть.

Главный трезвяк: «Товарищи, господа! Да он же пьян! Просто пьян как сапожник!».

– Ты сапожников не обижай. А то и взаправду тюкну с левой, и фиксы свои будешь собирать по всему полюшку.

– Господа, товарищи! Не идите сейчас на них! Они же больные люди! Посмотрите, это даже не войско, а сборище подзаборных пьянчуг!

Тут только я заметил, что сижу на коне. Впереди стоит войско трезвяков. Все одеты, как игроки бейсбола. Главный трезвяк скакал к ним от меня, широко распластав руки в стороны. Ко мне подошёл мой генерал с левого фланга (он, в основном, всегда держит курское направление, то есть курский вокзал). Поправил грязно-кровавый бинт на голове, добродушно усмехнулся, воткнул арматурный прут в землю и грустно произнёс: «Я так и знал... как всегда... Обосрались, трезвяки несчастные».

Глава пятая *(Из личной жизни)*

Утром, выпив первую невредимо-необходимую, я задумался. Подошёл к окну, за которым ездили трезвые машины...

– А всё-таки хорошо, что вчера не чукнулись. Всё-таки наши, как-никак.

Звонок в дверь оторвал меня от благостных мыслей. На пороге стояла Роза – моя любимая единомышленница. Её прекрасно крашенные под блондинку волосы ниспадали на юные плечи живописными, грязными висюльками. Большие голубые глаза смотрели бесстрашно на этот противоречивый и жестокий мир. В левой руке она держала большой пакет, из которого ёжиком торчало несколько бутылок портвейна.

– Здравствуй, любимый! – Она весело чмокнула меня в нос и пропорхнула на кухню. – Ты завтракать будешь?

– Угу.

– Тогда подсасывайся скорее, уже всё готово. Извини, на вододульку не наскребла, зато посмотри какой эксклюзив! Три семёрки!

Я смотрел на неё, и на душе у меня светлело. Она бережно наливала портвейн в гранёные стаканы, при этом трогательно держа бутылку двумя такими нежными и ласковыми руками. В этот момент я почему-то представил её в белом медицинском халате возле постели безнадежно больного, которому она любовно ставила капельницу. Мы взяли стаканы в руки. Она взяла со стола сырое яйцо, ловко проткнув его своим ноготком, протянула мне: «Ну, будем?».

– Будем. – Портвейн упал мягко, пушистым комочком, щекоча всё внутри. Я медленно высасывал сырое яйцо, мыча от удовольствия.

– Какой же ты красивый! – Произнесла Роза, глядя на мойдвигающийся кадык. Я оторвался от яйца, посмотрел на Розу. Портвейн оживил её всю. Глаза заблестели ещё ярче. Из них лилась огромная голубая синь, которая поглощала меня, ласкала, успокаивала и призывала. Я расправил плечи, глубоко вздохнул и потянулся к Розе.

– Не-на-не-на-на... Фигушки-фига! – Её колокольчиковый смех распалил меня ещё больше.

– Нет, Соколик. Мне сначала нужно быстренько в ванную. А ты пока можешь снимать штанишки. – Я молниеносно сбросил с себя всё верхнее и нижнее и в затаянном прыжке пришёл на кровать. Роза напевала в ванной какую-то очень мелодичную песенку. Её высокий голосок звучал в унисон с льющейся водой. Моё тело выгнулось дугой в предвкушении. Я взял сигарету, закурил... Ха-рашо-о-у!

Потом мы лежали блаженно дрыгая ещё не остывшими мышцами. Я улыбался, тупо глядя в потолок.

– Роз, зачем я тебе такой старый, а?

– Дурак ты, Соколов. Рядом с тобой поставь сотню молодых – и ты их сделаешь.

– Неужели всех?

– Всех.

– Откуда такая уверенность?

– Они просто не знают, где брать силу. А ты – знаешь.

– Ты... льщунья несчастная.

– Уж поверь мне. Я не какая-нибудь шлюха, хотя мужчин у меня было, честно сказать, много. Но ни один из них с тобой не сравнится.

– Я слишком мудр для того, чтобы тебе верить.

– Значит, ты вдвойне дурак, только ещё и мудрый. – Она закурила сигарету, повернулась ко мне, опершись на локоть. – Скажи мне, пожалуйста, только честно, обещаешь?

– Обещаю. – Роза сделала глубокую затяжку, выдохнула. – Почему ты всё пишешь в «стол»?

– Потому что – трус.

– Врёшь.

– Ей Богу.

– Хорошо. Тогда я за тебя отвечу. Потому что тебе наплевать на своё творчество!

– Это не творчество.

– А что же?

– Так... отдельные, недоделанные мысли. А вообще, ты не права. Мои шуточные статьи с удовольствием печатают.

– Недоделанные мысли?! – Она резко села на пятки, упершись руками в бока. – Ну, всё, – подумал я. – Сейчас начнётся. – Быстро спрыгнув с кровати, я потрусил на кухню к долгожданному портвейну.

– Ты же воин! Настоящий воин. Так бейся с ними, которые... там! – Роза гневно указала рукой на окно.

– Я и так бьюсь, как могу, пером.

– Да? А почему же ни разу не отнёс ни одной рукописи в издательство?

– Это необязательно.

– Почему?

– Потому, дурашка, что любая мысль материальна...

– Вот поэтому, их у тебя и «коммунизируют» в небе, а потом печатают с десятикратно-убыточной информацией!

– Розка! По-моему, тебя зацепил портвешок. – Я поднёс ей стакан портвейна. В нём на дне лежало сырое яйцо. Она приняла портвейн, выпила стакан в три больших глотка, облив себя и постель. Затем вытянула губы в трубочку и, как ребёнок, всосала в себя желток от яйца. – Обещай мне, что будешь воевать не только в небе, но и на бумаге... печатной бумаге. Обещаешь?

– Обещаю.

– Вот и молодец. Слушай, как же полезно после похмелья делать «трах-бах». Напиши об этом сегодня же, обещаешь?

– Обещаю, обещаю.

На этом, дорогой мой читатель, я пока закрываю шторы своей личной жизни и выполняю обещание, данное Розе.

Глава шестая

(О роли «трах-баха» после бодуна)

Итак, наша армия пьющих снова рассредоточилась, заняв предварительно наиболее уязвимые места противника: почту, телеграф, телефон. Почту утром взял на себя генерал левого фланга. Он внимательно отслеживал лазутчиков, и если вдруг появлялся таковой (то есть абсолютно трезвый), то генерал подходил к нему и, кося под нищего, протягивал свою мозолистую мужественную руку и рёк тихим, но твёрдым голосом:

– Будьте добры, буквально рублик, на лечение больной головы.

При этом кровавый бинт на его голове развевался, как кумач. Трезвяки шарахались от треплющегося на ветру кровавого кумача как от чумы. Торопливо бросали в сторону генерала мелочь, а тот с ловкостью виртуоза не давал упасть на асфальт ни одной монете.

– Брезгают, сволочи... В ладошку, значить, опустить в падлу.

Глава седьмая

(Телеграф и генерал правого фланга)

Телеграф занял генерал правого фланга. История его борьбы с трезвяками уходит своими корнями ещё в прошлый век. То были времена так называемого «сухого» закона. Мы тогда были вынуждены скрываться в подполье. Печатали листовки, выпускали свою подпольную газету «Белая капля». Руководил всем этим тогда генерал правого фланга. Но в наши ряды противником был внедрён «крот». И в тот момент, когда из подвала одного из престижнейших домов, что на Кутузовском, были вывезены сподвижниками генерала почти все печатные станки (под видом старых газовых плит), тут и случилось это несчастье. Нас, как говорится, взяли с поличным. Генерал правого фланга мужественно отбивался от ментов и от ОМОНа. Но силы были слишком не равны. Генерала скрутили четверо трезвяков-омоновцев. Продолжая сопротивляться с высунутым от натуги языком, он засунул свою голову в открытую дверцу газовой плиты, чтобы хотя бы не полностью, хотя бы частично не сдать врагу. И в этот роковой для генерала момент какой-то злобный трезвяк-омоновец ударил по дверце носком своего массивного кованого ботинка. А так как язык-то у генерала в этот момент был высунут, то... всё – с этого дня генерал стал немым.

Теперь ты, дорогой мой читатель, представляешь себе, какая надёжная охрана была выставлена на телеграф в лице немого генерала правого фланга.

Глава восьмая

(Телефон и «трах-бах»)

Наши уставшие бойцы невидимого фронта рассредоточились по квартирам, подвалам и котельным. В воздухе видимые только нам, выпивающим, летели на Москву вражеские «чипы-зомби». Ну, а так как я был контр-адмиралом похмельного войска, то приказал всем частям и соединениям – отмокать и, по возможности, срочно заняться утренним «трах-бахом», так как дурная кровь должна быть удалена из организма солдата. И начались утренние звонки: Мане, Люське-нехорошей – костяной ногой, русалочке с Казанского и так далее. Телефон был занят плотно, и это меня успокаивало. Оставался неохваченным «Билайн» и «МТС». Но и там уже с утра работали наши люди. Благодаря этому связь была «убрана» почти на треть.

Заметьте, сколько я уже времени не выпивал живительной белой влаги. Потому что в одном из параграфов нашего пьяного устава есть нечто похожее с законами трезвяков. А именно: «Пить – пей, но дело разумей».

Невыспавшийся, усталый от ночных событий, я вышел из подъезда. Было семь часов утра. Наши люди, их было двое, очень грамотно маскировались возле бесцветной бойлерной. Одежда на них была точь-в-точь такого же цвета, как стены бойлерной. При виде меня оба встали во фронт (честь отдавать было нельзя – конспирация). Один из них, что постарше, не глядя на меня, четко и спокойно докладывал, почти не разжимая рта: «Товарищ контр-адмирал, на вверенном нам участке всё спокойно».

– Подъезды охвачены все?

– Так точно.

– Сколько трезвяков вышло утром из третьего?

– Первой – женщина с ребёнком...

– Отставить, с женщинами мы не воюем. Дальше...

– Потом бандюган из сорок второй. Когда садился в свой джип, набил полный рот жвачки...

– С криминальным элементом мы дело не имеем. Хотя, этот, из сорок второй, ещё не совсем потерян для нашего дела. Дальше...

– Потом вышел артист из пятьдесят четвёртой. Глаза злые, лицо опухшее.

– Вот с ним обязательно поработайте. Интеллигенция в наших рядах – это архиважно. На этом всё?

– Пока всё.

– Продолжайте вести наблюдение, не расслабляйтесь.

– Есть не расслабляться!

– Противоядие с собой?

– Обижаете, товарищ адмирал. – Оба наполовину вытянули из внутренних карманов зелёные горлышки, плотно закрытые пробками. – Молодцы. Вечером ко мне загляните, получите деньги и инструкции.

– Есть заглянуть, товарищ контр-адмирал!

– Плесните-ка мне немного. – У того, что был постарше, мгновенно очутился в руках пластмассовый стаканчик, почти до краёв наполненный жёлтой жидкостью. Я выпил всё одним духом, закусив малосольным огурцом, который мне расторопно протянул тот, что помоложе.

– До вечера, братцы.

– До вечера, товарищ контр-адмирал! – Напиток был улётный. Сначала у меня помутилось всё в глазах. Затем загорелось внутри солнечное сплетение. Через минуту всё отпустило, и в голове стало очень хорошо. Походка стала мягче, отпустила боль в левом плече, мышцы лица разгладились. Я задумался и улыбнулся. Почему-то вспомнились строчки из Гамлета: – Быть или не быть... – Сердце ещё истерично ёкало от выпитого противоядия против «чипов-зомби»... Но душа!.. Душа была благостна и чиста.

И в этот момент неизвестно из какого угла, наверное, поджидал гад, ко мне подскочил правая рука контр-адмирала трезвяков:

– Вот вы всё – душа, душа!... А мозги-то где? Пропили, вы их, Юрий. Не за понюх табаку пропили. – Я сдвинул брови и, не останавливаясь, бросил. – Внимательно изучайте противника, уважаемый. В моих статьях о мозгах тоже написано. – Правая рука адмирала трезвяков семенил за мной не отставая. – Зачем вы губите нацию? И потом, умные люди над вами просто смеются!

– Это хорошо.

– Почему?

– Потому что все мои брошюры нарасхват. А ваши фолианты гниют на прилавках.
– Послушайте, голубчик. Внемлите хотя бы голосу разума. Вы хоть посчитайте соотношение сил! Мы, трезвяки – это же государство! Власть! Многочисленная армия наконец. Ещё немного и мы вас просто сотрём в порошок, как..., и это будет очень скоро, поверьте мне...

– Ни хрена вы не сделаете! – Я резко остановился и достал пачку сигарет. Он услужливо чиркнул «зиппой». Ветер был сильный, и хвалёная зажигалка никак не хотела загораться. Я достал спички, сложил ладони домиком, прикурил.

– Скажу вам честно, Юрий: я вас уважаю. Но ответьте мне на один вопрос. Вы когда-нибудь бываете трезвым?

– То есть, полным трезвяком?

– Да.

– Никогда. Наши с вами понятия о трезвости разнятся в корне.

– Интересно – почему?

– Потому что ваша так называемая трезвость убивает всё вокруг.

– Поясните.

– Поясняю: трезвяк из вашей когорты никогда не даст нищему или убогому больше трёх рублей. Всё это происходит помимо его воли. Его внутреннее социальное сознание автоматически даёт сигнал из зомбированного «чипом-зомби» мозга мышцам, которые просто сводит, когда та или иная рука лезет в брючный карман. Пальцы целенаправленно ищут только мелочь, и заметьте – не больше трёх монет.

– Что за чушь вы несёте...

– Это не чушь. В доказательство могу привести один пример. Ни одного громкого имени за всё время вашего существования. Саввы Морозова среди вас нет даже в намётках. А ведь таких людей в старину называли меценатами.

– Зато сейчас! Посмотрите - сколько у нас спонсоров.

– Ага, эти жулики скоро вас так отспонсируют, что нам, хмельному войску, даже руку свою в борьбе с вами прикладывать не придётся.

– Бред! Чистейший бред! Да вы посмотрите, как стал подниматься народ после дефолта. Это же показатель!

– Это точно... Показатель, хуже некуда. Да, действительно, народ поднялся. Но брюки и трусы с него упали, и он скромно и тихо показывает вам свою жопу. А знаете почему?... Потому что всё ещё чист душою. Потому что негоже бить сильному нищему хилого олигарха по башке.

Раньше были, если вы знаете, по праздникам на улицах Москвы кулачные бои. Так вот, если ты чувствовал, что противник сильнее тебя, ты просто присаживался перед ним на корточки, и он тебя не трогал. А мой народ – это не быдло. Он сильный. И вы, трезвяки, это знаете. Поэтому пока он стоит перед вами – властьюмущими, вы всё время будете сидеть на корточках в позе сраного орла, боясь получить от него мощную, смертельную для вас оплеуху. А пока вы так сидите, действительно сильные не обращают на вас внимания. А вам того и надо. Пока внимания не обращают – можно и поворовать, в особо крупных... И с другим, западным, сраным орлом, договориться, как лучше денежки поделить, как лучше отмыть, чтоб опять же с прибылью.

– Вы понимаете, что сейчас вы оскорбляете нашего президента!

– К нему лично я ничего не имею: нормальный мужик, энергичный, выпивает в меру. Только, жалко мне его, ей Богу. Не он мой противник, а то, что вокруг него летает.

– И что же вокруг него летает?

– «Чипы-зомби».

– Опять пьяный бред, Юрий. Вам надо серьёзно лечиться. Это мой вам последний, дружеский совет.

– Да ладно вам... Эвон как покраснелись, разнервничались из-за государя всея Руси. Я же ему, как водится, по-пьяни всю правду-матку. Эх, несчастные мы с ним люди. Я просто людин, а он – людин, да не просто...

Помощник контр-адмирала вдруг как-то съёжился и потускнел.

– Юрий, э... дайте что ли закурить. – Он неуклюже вставил сигарету в рот. Ветер утих, но дорогая зажигалка по-прежнему крякала под холёным большим, регулярно маникюренным, пальцем помощника.

– У вас кремень стёрся. – Я достал спички, дал прикурить, прикурил сам.

Мы стояли, молча глядя друг на друга, без всякой вражды и ненависти. Помощник делал глубокие затяжки и с наслаждением выпускал изо рта табачный дым. Вдруг он улыбнулся:

– Хорошо-то как!... Хоть за мной и тобой весь мир наблюдает, а всё равно, хорошо... почему?

– Это у тебя душа очищается.

– Ага! Значит, по трезвяку можно?

– Можно. Но только очень, очень осторожно.

– А чего осторожничать? Ведь мне сейчас хорошо, что изменилось-то? Да ничего! Вон – мои изо всех кустов меня охраняют... твои, видимо, тоже.

– Моих сейчас больше.

– Не может быть?!

– Точно говорю.

– Откуда знаешь?

– «Чипы– зомби» почти не летают. – Помощник широко улыбнулся и вяло махнул рукой. – Ну ты к свиньям, с твоими чипами...

– С твоими, браток, во мне их нет.

– Да, ...вот такие как ты – полуинтеллигенты и делали в своё время революцию.

– Ну, пошло, поехало....

– Эх, неисправимый ты человек...

– Правильно, неисправимый. Потому что чипов в голове «немае».

Помощник контр-адмирала оглянулся вокруг. Громко, чтобы все слышали, сказал:

– А всё-таки приятно было пообщаться со всем больным народом, который накопился в твоём лице, то есть, в тебе накопился...

– Я не копил.

– Да знаю, знаю.

Он поднял руку вверх, и тут же из-за угла показался бронированный лимузин. Вышколенный верзила услужливо открыл дверцу. Помощник устало полез внутрь блестящего «танка». Дверь за ним закрылась быстро и мягко. Проехав метров десять, бронированный аппарат вдруг остановился и дал задний ход. Я шагнул с тротуара навстречу машине. Дверь открылась. Из неё вышел бугай, подошёл ко мне. В руках он держал какую-то большую бутылку: «Это вам от адмирала». Я посмотрел на этикетку. По её краям было штук двадцать пять звёздочек. А в середине золотыми буквами по-русски было написано «коньяк».

Теперь я знал, что после моей неформальной встречи с помощником контр-адмирала трезвяков у нас есть три-четыре дня передышки. – Слава Богу. – Подумал я.

Мои бойцы буквально валились с ног, и отдых для них сейчас был как манна небесная. Я высоко поднял правую руку с бутылкой. Этот сигнал означал: «Всем, всем, всем! Временно прекратить военные действия!».

Круто развернувшись, я зашагал к своему подъезду. Возле него лежали смертельно уставшие те самые два бойца, которые с утра проводили рекогносцировку возле бойлерной. Я аккуратно перенёс их на ближайшую лавочку. «Спите, боевые мои друзья. Сегодня вы заслужили право на отдых». – Когда я поудобнее укладывал второго, из его онемевшей руки выпала смятая записка: «Товарищ контр-адмирал, сегодня в девятнадцать ноль-ноль трезвяки и западники приглашают вас на брифинг в «Белый дом»».

Я усмехнулся. Неужели они думают что я, как какой-то политикан, буду играть в их вонючие игры, да ещё и отвечать на их дебильные вопросы.

– Да пошли вы все... – Я быстро вскрыл двадцатипятизвёздочный коньяк и сделал два полных жизнерадостных глотка.

В этот момент пролетающий мимо «чип-зомби» угодил мне прямо в макушку. Он зашипел на моём темечке, как угорь, попавший на раскалённую сковородку. Через секунду он деформированной умирающей гусеницей сполз мне на правое плечо. Тут же чья-то сильная рука сзади стряхнула с меня эту нечисть. Я обернулся и увидел мужественное лицо генерала правого фланга. Он, как всегда, предпочитал держаться справа от меня. Слева тактично кашлянуло... Так и есть – генерал левого фланга занял свою привычную позицию возле моей левой руки. Мы молча вошли в подъезд и поднялись ко мне в квартиру.

Генерал правого фланга быстрыми и точными движениями хлопотал, собирая на стол. Я подошёл к телевизору с выбитым экраном, достал из его зева три хрустальных бокала, поставил на стол. Генерал левого фланга протянул мне закуску – солёный огурчик, облитый сверху хреном. Генерал правого наполнил бокалы коньяком.

– Друзья!.. – Голос мой немного сипел от волнения. – Трезвяки любят повторять, что один в поле не воин. У нас же с вами прижилась другая поговорка: «И один в поле воин!». Всё зависит не от поля, а от воина.

У немого генерала правого фланга скатилась по щеке скупая мужская слеза. Добежав до конца подбородка, она оторвалась и блюмкнула прямо в бокал с коньяком. Коньяк сразу изменил свой цвет – посветлел.

– Хороший знак! – Произнёс генерал левого. – Выпьем за светлого воина с чистой душой. – Мы чокнулись и разом осушили бокалы.

Глава девятая

(«Секретная» папка генерала левого фланга)

Первый раз за много лет я, встав утром, не почувствовал ноющей боли в плече, в старой ране, полученной когда-то в драке с трезвяками. Выйдя на кухню, я увидел на столе бокал, до краёв наполненный коньяком. Рядом лежала записка: «Дорогой контр-адмирал, хоть сейчас и передышка, но у нас накопилось множество бытовых дел. Так что извините, похмельнитесь без нас. С уважением, ваши генералы».

– Дорогие мои боевые друзья. В этой суете я совсем забыл, что мои генералы просто обычные люди, и что у них, как и у всех нормальных людей, может быть своя личная жизнь. Да, в этом противостоянии подчас можно забыть, ради чего ты живёшь. Я медленно с наслаждением прикончил бокал коньяка, так заботливо оставленный мне генералами на утро. До жути захотелось покурить. Вчера мы выкурили все сигареты, и на столе стояла пустая чистая пепельница, заботливо вымытая кем-то из генералов.

Я начал шарить по всей квартире, в надежде отыскать хотя бы «бычок». Всё было напрасно. Даже мусорное ведро было пусто. Генералы с утра капитально прибрались, успев даже вымыть везде полы.

– Что ж, придётся клячиться в палатку. – Подумал я и начал лениво натягивать джинсы. И тут я заметил на подоконнике обтрёпанную из крокодиловой кожи папку. Я её не раз видел у генерала левого фланга. Он всегда её носил за пазухой и никому никогда не показывал. Друзья и соратники всё время над ним подшучивали, говоря, что в этой папке сверхсекретные материалы против трезвяков. Мною овладело любопытство, и я решил в неё заглянуть.

То, что я там прочёл, повергло меня в тихую радость и изумление. Думаю, что генерал не обиделся бы, если бы узнал, что я решил показать содержимое этой папки тебе, дорогой мой читатель. Но перед тем, как... , мне хотелось бы с тобой, мой читатель, бахнуть по соточке из заначки, которая стоит у меня под кроватью. Будешь?... Ну и отлично. Ну, с Богом. А-ах, хорошо! А теперь открываем заветную папку генерала левого фланга.

Читаем: «О роли русской женщины в борьбе против «чипов-зомби»».

Начнём с того, что пронаблюдаем поведение русской женщины не в городе, а в деревне. В деревне, конечно же, меньше «чипов-зомби». Потому что «наши» люди пока ещё, слава Богу, держат здесь приоритет. Трезвяки никак не могут понять, почему русская женщина живёт в деревне с мужем, который постоянно каждодневно «употребляет».

Под вечер на завалинке, когда женщинам деревни нужно подвести итоги прошедшего дня, зачастую можно услышать от некоторых такие разговоры: «И что ты живёшь с этим алконавтом?! Он же ничего не делает, только жлухтит с утра до вечера. Мало того, кулаки в ход пускает! Какая тебе от него радость?». Не будем слушать, что ответит на это женщина, которая в этот момент мечтательно смотрит на горизонт.

А теперь представим себе картинку. Раннее утро. Поле. Нужно убирать хлеб, который лоснящимися стеблями тянется к утреннему солнцу. На поле стоит молчаливый комбайн. Молчаливый, потому что завести его невозможно. Запчасти, которые нужны для починки, обещали привезти только через неделю. Воин похмельного войска Иван глядит с настороженным прищуром в небо. Там беззаботно рассекают ласточки... Видимая кажущность спокойствия и умиротворения.

Только Иван, воин похмельного войска, видит и чувствует всем своим нутром приближение беды. Его начинает «колбасить». Он нервно выкуривает последнюю «беломорину» перед боем.... Потому что «они» уже надвигаются. «Они» уже здесь. Вот «они» показались на горизонте, летя на антипеленговой высоте. Они напоминают нашествие безжалостной ко всему живому саранчи. Но это не саранча. Это хуже. Это «чипы-зомби».

Мой контр-адмирал всегда любит повторять: «И один в поле воин!». Я полностью с ним согласен. Но вернёмся к Ивану. В данном случае на месте Ивана любой трезвяк стал бы дёргаться, ругаться с председателем, что тот не обеспечил вовремя техническую базу в полном объёме и т.д. Но только не Иван. Этот опытейший воин похмельного войска суетиться не будет, прекрасно понимая, что все «чипы-зомби» сейчас обрушатся на него, потому что он один в поле. И тут одиночка Иван, как всегда, решает принять неравный бой.

Далее можно по пунктам привести все его действия, которые надлежит размножить и распространить среди ещё молодых и неопытных бойцов похмельного войска.

Итак, что он делает. Первое: длинно и мощно, перейдя на гортанный звук, он раздражается тирадой отборнейшего, не раз проверенного в критических ситуациях, русского мата, который летит навстречу «чипам-зомби» подобно ракете «земля-воздух». «Чипы-зомби» этого «дюже» не любят, как утверждает Иван, который в

каждодневных боевых действиях всегда одерживал над ними верх. Второе: пока «чипы-зомби» словно галки начинают в замешательстве носиться по полю, пытаясь выстроить новый, боевой порядок, Иван быстро лезет под сиденье своего комбайна, достаёт оттуда свою «заветную-похмельную», и, как горнист, который в трудную минуту вдруг поднимается во весь рост в дыму и пламени, чтобы повести свой полк на врага, так и Иван, крепко прижав к губам горлышко «заветной», двумя мощными глотками бронируется от этой нечисти. Третье: затем смачно крикнув, он достаёт кувалду и начинает бить ею только в одно ему известное место, перемежая свои действия короткими хлёсткими фразами, которые западники при всём находящимся у них штате переводчиков-русистов никогда не поймут.

И, наконец, о – чудо! Комбайн начинает ровно и мощно тарыхтеть. «Чипы-зомби» от этого звука в страхе взмывают вверх под небеса, чтобы не нарушить свои сегменты на волокнистых проводниках.

Довольный же Иван небрежным изящным движением забрасывает в кабину кувалду. По-молодецки садится на своего грохочущего коня и с весёлой залихватской песней срывает комбайн с места, как из лансады застоявшегося коня, бросаясь в бой за урожай.

Глава десятая

(В ней я продолжаю изумляться, всё внимательнее и внимательнее вчитываясь в рассуждения генерала левого фланга)

Я, генерал левого фланга, обращаюсь к вам, молодые воины похмельного войска. Помните, самым действенным оружием против «чипов-зомби» является алкоголь. В этом вы окончательно убедились на примере боевых действий опытного воина похмельного войска – комбайнёра Ивана.

Теперь позволю себе вернуться к теме «Пьющий муж и его несчастная жена».

Трезвяки неоднократно пытались давить на жену Ивана, говоря примерно следующее: «Он же пьёт день и ночь! Бьёт тебя, бедную. Зачем ты с таким уродом мучаешься?!...».

Слепцы! Они видят лишь верхушку айсберга и ни на секунду не хотят проанализировать предтечу таких поступков.

Особенно опасны для вас, молодые воины, – трезвяки-психологи. Если вы попадёте к ним на приём, то они сразу же начнут умно и деловито обрисовывать вам ваше разложение личности. В этом они мастаки. Заморочат вас донельзя. Спорить с ними ни в ком случае нельзя. Здесь я вам посоветую два варианта. Первый: предварительно купив плоскую бутылочку объёмом не менее 0.33 л., регулярно к ней прикладываясь, наберитесь терпения и делайте вид, что вы внимательно впитываете все его «заумы». Потому что пока этот «глухарь» не оттокует, он не успокоится, ибо в этот момент его духовный оргазм должен полностью влиться в ваши девственные мозги. Создайте этому онанисту такую иллюзию. А когда он кончит, хлопните себя по лбу и безвольно произнесите: «Да!... Вот оно оказывается как...». Этим самым вы его сразу нейтрализуете. Но это, пожалуй, годится для воинов более опытных и не раз обстрелянных. Потому что они прекрасно видят, что в голове у такого психолога уже давно пустил свои гнилые корни «чип-зомби». И по сути дела именно он, используя оболочку этого несчастного, ловко фехтует с вами своей шпажкой, пытаясь нанести укол ни в сердце, ни в печень, а именно в вашу чистую душу.

Не так давно я выступал с этой темой в «Политехническом» и, естественно, не обошлось без дискуссий. Один очень уважаемый «глухарь» среди трезвяков-психологов после моего доклада бросил мне злобно-елейно: «Почему вы совсем не

прислушиваетесь к нам, психологам? Ведь мы в отличие от вас спасаем людей. А вы их калечите! Налицо же неоспоримые факты! Обратитесь, наконец, к элементарной статистике. Она уж более чем объективна!». Зал замер. Все ждали, что я скажу.

– Я вам отвечу вопросом на вопрос. Вы верите в Бога?

– Гм-м, это сложный вопрос...

– Хорошо. Спрошу ещё проще. Вы считаете себя Богом?

– Нет, конечно.

– Тогда какое вы имеете право вещать всем остальным, как им жить? Вы что, пророк? Вся разница между нами в том, что я делюсь своими знаниями с теми, кто этого хочет. Вы же их навязываете, накручивая макаронами на уши. Вы давно исповедовались? Хотя, это сейчас не важно. Важно то, что когда у вас усталость и грязь на душе, когда жизнь вам порою кажется сплошной помойкой и грехом, вы идёте исповедаться не к кому-нибудь, а к священнику. И он, проводник святой силы, снимает все ваши грехи, принимая их на себя, зная, что за его спиной стоит сила, которая поможет ему, священнику, остаться чистым душой. А вы? Принимаете в день по десять, пятнадцать человек с больными душами. И что? Какая сила помогает вам очищаться от этой боли, грязи, порока и греха? Ваш разум? Да он же у вас давно «чип-зомбирован»! Вот и получается, что вы на этом конвейере жизни выполняете механически всего одну операцию, – пришла к вам в руки человеческая болванка, а вышла ещё болванистее.

Зал грохнул от дружного смеха.

– Вы называете больными людьми нас – бойцов похмельного войска, а на самом деле вы, трезвяки-психологи, уже давно живёте в жёстком инфекционном квадрате лепрозория. И если мы больны, как вы утверждаете, то болезнь пришла к нам от жестокой и бездушной цивилизации. Ваша же проказа неизлечима. Вы обречены. «Чип-зомби» может торжествовать. Он постоянно шепчет вашим мозгам, сердцу, венам и душе, которая у вас давно ушла в пятки: «Против меня всего два способа борьбы. Первый: для того, что бы меня уничтожить – уничтожь себя сам и всю планету в придачу. Второй: уйди в месячный запой, и тогда я буду мучительно, медленно для тебя, в первую очередь, умирать». Ни на первый, ни на второй способы, вы, как я понимаю, не способны.

Зал громыхнул мощной, безудержной овацией.

Чем дальше я читал записи генерала левого фланга, тем больше проникался к нему уважением. Страницы были не пронумерованы. Где-то было торопливо начеркано карандашом. Всё это доказывало, что генерал не собирался показывать свой, если так можно сказать, «дневник жизни», никому.

Тут я наткнулся на продолжение его мыслей по поводу молодых воинов похмельного войска, которым было рекомендовано поведение на приёме у трезвяка-психолога. Я с удовольствием стал читать продолжение.

Вариант второй. Он, на мой взгляд, более приемлем для молодых, ещё не обстрелянных воинов похмельного войска. Когда трезвяк-психолог начнёт внимательно вглядываться в ваши глаза, пытаюсь таким образом залезть к вам в душу, и когда от его зрачков пойдут концентрические круги, которые будут становиться всё шире и шире (так как «чип-зомби», сидевший в его мозжечке будет проявлять в этот момент пик своей активности), дождитесь той секунды, когда зомбированный трезвяк будет находиться в апогее своего токовища, и не раздумывая, быстро и точно ткните его слегка с правой в челюсть. Этот эффективный приём проверен неоднократно. Дальше будет происходить следующее. «Чип-зомби», сидящий в мозжечке у трезвяка, никак не будет ожидать

такого поворота событий, и от удара он сместится в область левого полушария, а если вы через несколько мгновений ещё и сделаете «свинг с левой», то чип тут же перекочет в правую часть полушария. Таким образом, мозжечок трезвяка-психолога будет на несколько минут абсолютно свободным.

Тут вам необходимо сделать нечто неадекватное..., например, резко встать со стула и сильным, «брежневским» поцелуем буквально впиться в губы трезвяка. Потом так же резко отстраниться и, глядя в его блуждающие глаза, с чувством произнести: «Спасибо, доктор. Вы гений! И с коротким смешком счастья выбежать из кабинета».

Глава одиннадцатая

(О скромности генерала левого фланга)

Я очень редко встречал в жизни по-настоящему скромных людей. Также с годами я понял, что скромность – это огромная сила. И тот, кто ею обладает, тот наделён редким даром любить всех людей, включая даже своего соседа. Мой генерал левого фланга был именно таким. Его никогда не заботило, что он выиграет или проиграет в той или иной ситуации. Главное для него всегда было одно: честно жить и честно делать своё дело.

Мне очень жаль, что только теперь, случайно наткнувшись на его записи, я, наконец, понял, что это за человек. Я отключил телефон, мобильник и, капитально устроившись в кресле, стал внимательно и бережно разбирать стремительный почерк генерала, который из карандашных загогулин переходил вдруг в плотные, чёрные чернила. Затем терялся в пунктирах плохо пишущей шариковой ручки. И наконец, красным абрисом вновь выныривал, словно подлодка, из пучин сомнений, раздумий, постулатов, превратившись в меткое точное слово, прочтя которое, я поневоле откладывал его тетрадь и подолгу, задумавшись, сидел, осмысливая только что прочитанное. Попутно я складывал постранично его наблюдения в маленькие рассказы. Генерал ничуть не заботился о том, чтобы в его записях была хоть какая-то хронология. За этим занятием я просидел целый день. Я так увлёкся, что даже позабыл про сигареты и почти целую бутылку водки, которая стояла на кухне, терпеливо меня дожидаясь.

Когда я закончил, то с удовольствием выпил сто пятьдесят. А теперь, пока я схожу к соседу и стрельну у него пару-тройку сигарет, ты, дорогой читатель, прочитай то, что мне удалось собрать в тетради генерала. Уверен, что кое-что тебе будет интересно. Ну, я пошёл. А ты постарайся без меня не скучать. Если что – водовка на столе.

Глава двенадцатая

(Из записей генерала под общим названием «Бой за урожай»)

– И как же ты с этим придурком живёшь, бедная?! – Восклицают женщины, у которых всё как у «людей».

И невдомёк им, правильным, что только внешне супруга Ивана – Марья напускает на себя несчастный вид. Мусолит платочек в руках, тяжело вздыхает, сокрушённо качает головой.

На самом деле – она всё видит и понимает. Она понимает, почему после трудового дня Иван не сразу идёт домой.

Россия никогда не испытывала недостатка в своих героях. В нашей отчизне ещё издревле всегда присутствовал героический дух. И никогда и ничем его нельзя было выветрить.

Герои войны – это понятно. А вот герои быта... – здесь можно снимать шляпу почти перед каждым русским мужиком. И она, жена Ивана – Марья это знает и понимает. Она понимает, почему он лежит в большой мутной луже, дрыгая руками и ногами, стреляя при этом короткими, матерными очередями в чёрное, свинцовое небо. Так он отходит после неравного боя с «чипами-зомби».

И не дай Бог в этот момент пройти мимо Ивана какому-нибудь трезвяку. Потому что «чип-зомби», сидящий в мозжечке у трезвяка, почуяв мощные спиртные пары, мгновенно завибрирует и начнёт подавать в астрал активный сигнал «сос», который в первую очередь тут же запеленгует бронированный мозжечок Ивана. А дальше...

А дальше я предоставлю слово každодневному очевидцу подобных событий соседу Ивана – деду Мухе, которого все жители деревни уважают за его объективность и беспристрастность. Все от мала до велика знают, что дед Муха «не убавит – не прибавит». И это действительно так. К тому же дед Муха постоянно в курсе всех событий, которые происходят в деревне. Особенно деда Муху уважает участковый, потому что все протоколы милиционера, составленные с помощью деда Мухи, всегда были донельзя точны, кратки и объективны. Итак, слово деду Мухе, который рассказал, что было дальше.

– Ну, дальше шож... Видит трезвяк, что Иван в луже лежит. Стал он его обходить по сухому. А Ванятка возьми вдруг, да и стихни. На брюхо перевернулся и голову в лужу по уши опустил..., маскирнулси, значить. А трезвяк-то, на радостях, что Ванька бездыханный лежит, давай его поносить: «Свинья ты шелудивая!... Вот счастье-то дристу... один раз пукнул. Ну, а Иван на это..., как крокодил в Ниле, лежит, не реагирует». А трезвяк лужу-то обошёл и стоит над Иваном, как римский победитель. Потом на кортки присел и лыбится: «Побольше бы вас, скотов, издохло вот так!». Ну, тут Ванька, как спецназ, из лужи прыг! И с лёту трезвяка по кумполу. Тот и ахнуть не успел. А Ванятка схватил его за ноги, поддёрнул на себя, и, как тачку, давай по луже возить... Долго возил. Трезвяк сначала визжал, орал, на помощь звал, а потом затих..., только дёргался иногда. Ну, а тута и вы, органы подоспели. Считаю со своей стороны так: трезвяк начал первым. То есть, сначала личность оскорбил, а потом ещё и надругался плевком в лужу. А Ванятка шож..., он мужик незлобный. Но уж если заденуть, тогда конечно.

Обстоятельно разобравшись в инциденте, ухнув стаканчик ядрёной, предложенной дедом Мухой, участковый весело подытожил: «Трезвяк живой. Следы побоев на теле отсутствуют. Ну а то, что весь в грязи и коровьем помёте, так это дело пустяковое». Кто уж, как не он, знал Ивана вдоль и поперёк. И прежде всего участковый ценил в Иване одно качество – его чистую душу.

Глава тринадцатая *(Продолжение записок генерала)*

Руля по колдыбобинам, участковый задумчиво улыбался в усы, вспоминая случай, который произошёл с Иваном прошлой зимой. Как-то в воскресный морозный вечер возвращался Иван из соседней деревни после дня рождения свояка.

Обняв Марью за талию, они в терцию душевно выводили «ой, мороз-мороз», синусоидально хрустя по белому насту. Иван очень любил петь с Марьюшкой на пару. У Марьи был абсолютный слух от рождения. И поэтому она всегда держала свою партию безошибочно ровно, поддерживая Ивана глубоким грудным голосом. У Ивана же очень удавались самые высокие ноты. Правда, он иногда, как говорят профессиональные музыканты, «ша-бемоллил», но в целом получалось очень даже ничего. Обычно к высоким нотам Иван подбирался за два такта до них. Он поднимал

подбородок вверх, вытягивал шею, сжимал кулаки и с полузакрытыми глазами, широко открыв рот, начинал «А-о-у!». Марьюшка сразу же вторила ему вторым голосом, подкладываясь под него как матрац, набитый лебяжим пухом.

Вот и тогда, увлѣвшись и полузакрыв глаза, Иван ступил ногой в небольшую ямку и, потеряв равновесие, скатился в обочину. Поднявшись, он вдруг увидел перед собой полужанесѣнную снегом иномарку. Дверца водителя была полуоткрыта. Возле машины лежал запорошенный снегом открытый чемоданчик с инструментами. На водительском сиденье, уткнувшись головой в руль, неподвижно сидел человек в очень модном лёгком пальто. Иван, откинув его назад, прильнул ухом к его груди: «Дышит ещё... Не совсем околел, голубь. Марьюшка! Бегом к дому – топить баньку!».

Марья подхватила и легко полетела. Бег её был ровным и мощным. Не зря в юности её посылали на всевозможные спартакиады. Она всегда брала все призы, и председатель колхоза неизменно награждал её разноцветными отрезами на платье.

Иван тем временем снял с себя тулуп, обернул им полужамёрзшее долговязое тело. Застегнув овчину на все пуговицы, он взвалил коромыслом несчастного себе на плечи. С молодецким посвистом сам себе скомандовал: «Рота, бегом, марш!». Он припустил «манежным» галопом. Кокон с высунувшимися ногами лежал на могучих плечах Ивана крепко и ладно. И только легкие полуботинки пижона дрыгались в разные стороны, стуча друг о друга. Этот звук точь-в-точь напоминал одинокий долбѣж дятла в морозной тишине.

А в это время участковый Бавыко под приятным хмельком, нежно облапив баранку своего «уазика», весело давил на газ своим мощным валенком сорок восьмого размера. Он закончил трудовой день. Завтра его ждал выходной, и он с наслаждением предвкушал, как он по приезду домой пропустит стаканчик-другой, поест наваристого борща, потреплет по холке свою любимую лайку Цыгана. Затем сядет возле телевизора и, не спеша закурив, провалится в мягкое, выдавшее виды, самим им сделанное кресло. Протянет босые ноги к Цыгану, и тот начнѣт неумоимо и нежно вылизывать своим шершавым языком чѣрные комочки скатавшегося за день пота между пальцев хозяина. Он представил себе эту картину, ласково матюгнулся и в этот момент заметил в поле одиноко чернеющую иномарку. Передняя дверь машины со стороны водителя была открыта, капот поднят. Мохнатые брови Бавыко сдвинулись. Лицо приняло официальное выражение.

– Непорядок. – Участковый неторопливо обошѣл машину, заглянул под капот, зачем-то понюхал сиденье водителя, пошарил в бардачке кургузым пальцем. Потом, посплюнявив его, провѣл им по педали газа. Потом, положив палец в рот, плотно сжал его губами и закрыл глаза. Уши его при этом шевелились вверх-вниз, смещая шапку с блестящей от тусклых фар кокардой то на лоб, то на затылок.

Участковый был самым лучшим охотником и следопытом в округе. Его за это уважали и боялись. Боялись особенно браконьеры. Он всегда находил виновного по известным только ему, следопыту, приметам. Его часто вызывали в районный центр, когда дело требовало участие розыскной собаки. Он всегда безошибочно определял, где, в каком месте, в котором часу, было что-то похищено. И в каком направлении это «что-то» уехало, ушло или уползло.

Наконец его палец изо рта начал медленно выдвигаться. Раздался звонкий хлопок, похожий на тот, когда штопором открывают тугую пробку из-под вина. Бавыко резко открыл глаза, мельком глянул на запорошенные снегом следы и кинулся к «уазу».

– Ванька?!.. Мария?!... Что-то не то.

Мария стелила на стол белоснежную скатерть, расставляла хрустальные бокалы. В дверях показался дед Муха.

– Принёс, дедуль?

– Ради такого случая и первача не жалко. – Он вытащил из-под тулупа пятилитровую бутылку и бережно поставил её на скамью, аккуратно присев рядом.

– Да вы раздевайтесь, дедуль, проходите. – Дед Муха проворно скинул тулуп и, не глядя, нанизал его на вешалку. – Вот я и говорю... Года два тому..., рыбалили мы зимой на Чёртовом озере. Лёд уже осторожный был, весна на носу, и видим, мужик на «Ниве» прёт прямо к нам. А нас-то пятеро, да ещё в кружок сидим. То под одним, то под другим, клыть... клыть – трещить, значить. А этот, на «Ниве» прямо к нам... да... Ну мы ему махать, кричать. Мол, куда прёшь, дурень! А он летит себе и всё тут. Вдруг видим, хрясть! Лёд под ним разломился. Мужичонка-то видно ловкий был. Как он успел из машины-то выскочить. Бултыхается бедный, кричит нам:

– Мужики, спасите! Квартиру отдам, дачу!...

– И что, спасли?

– Не-е...

– Что, не вышло?

– Да как тебе сказать... чужой он, человек никому не известный. Эх, так и утоп мужчина.

– А если бы был свой, спасли?

– Конечно. Тут и думать бы никто не стал.

Нечеловеческий душераздирающий крик донёсся с улицы из баньки Ивана. Марья подошла к окну, отдёрнула занавеску: «Господи, как бы Бавыко с Ванюшей гостя не уморили». Дед Муха успокоил: «Они, видать, его в четыре руки греют... сначала берёзовым, потом дубовым веничком. Грамотно, очень грамотно».

Стол был полностью накрыт, когда распаренные Бавыко и Иван внесли на руках тщедушное дымящееся тело гостя. Он тихо и хрипло стонал. Его руки безжизненно болтались. Иван осторожно перехватил гостя у Бавыко и бережно уложил его на кровать.

– Пуцай пока остынет естественным путём. Ты, Марюш, погоди его кормить. Он в температуру нормальную войти должен.

Марья подошла к постели несчастного, потрогала рукой его потный лоб.

– Хороший пот, добрый. Скоро в себя придёт. Так, мужики, все за стол, стынет же всё! – Дед Муха оживился. – И то верно: он пуцай пока стынет, а нам не грех и погорячиться.

Первую выпили молча. Тут же разлили, выпили вторую. Закусывали тоже молчком. Тишину нарушала только Пугачёва в телевизоре. С присущим ей талантом, она проникновенно выводила: «А ты такой холодный, как айсберг в океане...».

Гость к этому времени уже перестал дымиться. Руки его начали конвульсивно дёргаться, он открыл глаза:

– Где я?

Дед Муха поперхнулся:

– Ожил, голубь!

Иван встал, налил в хрустальный бокал первача, подошёл к гостю:

– Ты в России, мил человек. Так что не бойся.

– Что это?! – Гость настороженно глядел на приближающийся хрустальный бокал, до краёв наполненный самогонкой.

– Это?... Это то, что тебе сейчас нужно для внутреннего согревания.

– Я не буду. Я не пью.

Дед Муха ехидно бросил:

– Может, и не ешь?

Вперёд выдвинулся Бавыко и заботливо положил свою ладонь-оковалок на лоб гостя:

– Надо, браток, иначе простуда внутрь пойдёт.

– Лучше дайте поесть...

– Перед тем, как... – Отрезал Иван.

Гость, обвёл всех обречённым взглядом и тяжело вздохнул:

– Ну, хорошо. Только немножко.

Иван широко улыбнулся:

– А немножко мы тебе и не дадим, ещё слаб. Давай, открывай рот. Дед, зажми ему нос, у тебя пальцы тонкие..., а то человек городской с непривычки ещё закарасит.

Гость приподнял голову и зажмурил глаза. Иван быстро влил весь фужер в интеллигентный рот гостя. Тело гостя вдруг изогнулось дугой. Он вскочил с постели и начал бегать по избе ужаленной белкой. Его глаза были на выкате, а всё лицо закрывал огромных размеров, молчаливо кричащий от ужаса рот.

Бавыко вздохнул:

– Всё одно – закарасил...

Марья держала в руках кружку с квасом:

– Ты попей, милый, попей.

Гость кинулся к Марье и начал жадно хлебать из её рук. Наконец его усадили и принялись кормить словно мальчика. Пятилитровая бутылка резво загуляла по стаканам Ивана, Бавыко и деда Мухи. Гость ел левой рукой, а правой ладонью накрывал свой пустой фужер. Но это он делал зря. Его и так обносили, потому как берегли. Зачем человека поить насильно.

Через некоторое время из мозжечка гостя со свистом, прошив потолок как пуля, вылетел «чип-зомби» и затерялся одинокой облезлой вороной в морозном российском небе.

Гость вдруг расправил плечи, орлом оглядел всех, взял бутылку и налил себе полный фужер:

– Спасибо вам, дорогие, за всё! – Залпом выпив фужер, он смачно захрустел солёным огурцом, игриво поглядывая на Марью.

– П-позвольте вас ангажировать?

– Чего?

– На танец, говорю, можно? – Марья озорно взглянула на Ивана. – А чего ж нельзя-то, чай не хромая!

В телевизоре Пугачёва уже пела про королей. Раскрасневшийся дед Муха скручивал непослушными руками самосад, Бавыко деловито разливал ещё по одной. Иван ласково смотрел на спасённого им гостя. А тот вдруг начал лапать Марию и всё пытался поцеловать её в шею. Марья тактично его отстраняла: «Ой, ну вы прям, как уж всю меня обвили». Вдруг гость взъярился, оттолкнул от себя Марью, схватил табурет и швырнул его в Марью: «Ты, с-сука, меня не хочешь?!». Табурет пролетел мимо, разбив на буфете вазу с искусственными цветами. Бавыко сурово сдвинул брови, толкнул локтем Ивана: «Вань, чего это он?!». Иван, положив подбородок на свои железные кулачищи, с умильной улыбкой глядел на гостя: «Ничо, ничо... всё путём. Вишь, паренёк людеет потихоньку».

А в это время замёрзшие «чипы-зомби» на высоте тридцати километров тщетно пытались обработать этот небольшой квадрат, вернее, даже точку. Но это было совершенно бесполезно. Потому что эта точка, а точнее, пятистенная русская изба, излучала спокойствие, уверенность и огромную любовь к ближнему. А против этого они были совершенно бессильны.

Глава четырнадцатая

(Из записок генерала. История деда Мухи)

– Ну, вот я и вернулся. Сосед подарил аж целую пачку. Так, водка нетронута... Видно ты, дорогой мой читатель, либо слишком стеснителен, либо слишком тактичен. В то, что ты совсем не выпиваешь, я не хочу верить, и никогда не поверю. Потому что, если ты дошёл до этой главы, – значит ты наш человек. Трезвяк бросил бы читать всё это на первой же странице. Поэтому, предлагаю по соточке... Ну вот, другое дело!

А сейчас, если хочешь, давай ещё немного почитаем тетрадь моего генерала. Так как я уже поднаторел разбирать его невообразимый почерк, предлагаю тебе расслабиться и закурить. А я буду читать вслух, идёт?... Ну и отлично. Поехали. Так... ага, ещё кое-что про деда Муху.

– Когда я воевал в 25-й Чапаевской дивизии, то там был такой случай. Едет, значить, Чапай в штаб. А по дороге видит сваво солдата. А тот родимый идёт-бредёт босиком почти. Переплётки у него на ногах совсем никудышные. Чапай видит такое дело, коня сваво осадил. И нежно с прищуром спрашивает: «А не гневаешься ли ты, солдатик, на наш отдел снабжения?». «Чего уж тут гневаться... вся страна кровью хлещет». Помутнели глаза у Чапая, заплакал Василь Иванович. Соскочил с коня, сел на землю, стащил с себя сапоги. С рыком разорвал свои портянки, отбросил их в сторону. Взлетел в седло и грозно приказал: «Меряй! В пору ли». Солдат стушевался... но приказ есть приказ. Начал обуваться: «Да вроде ничо, не жмуть». Чапай поднял коня «на свечку» и с верхатуры рёк: «Носи на здоровье!». «А как же вы, Василь Иванович?». «У меня отдел снабжения ближе!». Долго солдатик смотрел ему в след, а когда перестала за ним пылиться дорога, перекрестил он то, что ускакало, притопнул добротными сапогами и громко крикнул вдогон: «Спасибо тебе, ангел!...».

– Да... ну, горох, пора рассыпаться. – Детишек в избе деда Мухи было много. Глазёнки их смотрели на это седое чудо с восхищением и обожанием. Но при последней фразе все как по команде с весёлым гур-гуром выбежали из избы. Лишь только один мальчонка с кудрявыми чёрными волосами и с носом – длинным, как акинак, стоял неподвижно и сверлил деда Муху пронзительными тёмными маслинами.

– А ты, друг любезный, чей будешь? Что-то я тебя раньше не примечал.
– Мы фермеры... Лоренгели.
– Как-как?
– Фамилия моя Лоренгель. А зовут Яков.
– А, это вы, значит, болото наше выкупили.
– Мы..., а про Чапая вы всё врёте.
– Это почему же, мил человек?
– Чтобы рассказывать о таком эпизоде, нужно было быть самому участником этих событий.

– Вона как..., а может я и есть участник этих событий?
– Это невозможно.
– Почему?
– Потому что для этого вам сейчас должно быть больше ста двадцати лет.
– А мне сколько, по-твоему?!
– Учитывая все факторы: жизнь в деревне, свежий воздух, естественные продукты питания, каждодневный физический труд. Суммируя всё это, плюс визуальное наблюдение... Вам от силы – восемьдесят семь, не больше.

Дед Муха, наклонился к малышу:

– Ну, а тебе-то сколько годков?

– Десять с половиной.

– А выглядишь старше. Впрочем, у вашего брата всегда щетинка раньше пробивается. А вообще, ты молодец. Наши-то уши развесили, поверили враз. А ты посчитал всё, сопоставил, уважаю.

Дед Муха улыбнулся, потрепал мальчишку по голове:

– Пойдём-ка, Пиркентон.

Они зашли во вторую небольшую комнату, которая служила деду Мухе спальней. Рядом с кроватью стоял массивный сундук, искусно обитый резной, кое-где поржавевшей сталью. Дед Муха снял с шеи шнурок со старинным ключом, открыл сундук. Ковыряться он в нём долго, бережно перекладывая какие-то пожелтевшие письма, выцветшую военную форму. Мальчик, стоя за спиной деда Мухи, терпеливо ждал. Иногда ему казалось, что дед Муха совсем про него позабыл. Потому что тот, перебирая в руках ту или иную вещь, бурчал что-то себе под нос, иногда мурлыкал: «Это ж надо, не поверил, кхе, кхе..., ну и правильно. Чего деду Мухе верить на слово».

Наконец он достал из сундука блёклую жёлтую фотографию. Полез в карман за очками. Руки в этот момент у него затряслись. И непонятно было – то ли от старости, то ли от волнения: «На вот, гляди». Он протянул фотографию мальчику. Яков Лоренгель стал внимательно изучать фотографию. На ней были изображены пять человек. Три мужчины и две женщины. Они стояли на фоне избы возле крыльца. На одном из мужчин была чёрная бурка. Он стоял в самом центре. Рядом с ним по левую и правую руку по стойке смирно стояли два солдата. Тот, что был по правую руку, залихватски улыбался. Фуражка на его голове держалась на затылке, приминая тугие разбросанные русые кудри.

Солдат же по левую руку, наоборот, был серьёзен. Он был без головного убора. Его короткие тёмные волосы были как бритвой аккуратно разрезаны пробором. По краю фотографии с той и с другой стороны стояли две женщины. Обе в белых платках. На них были длинные в гофре тёмные юбки. Обе внимательно смотрели в объектив, как будто хотели увидеть в нём кусочек вечности.

– Кто это, дедушка?

– Что, никого не узнал?

– По всему видно, что фотография времён гражданской войны..., кого же я здесь узнаю?

– Ах, ну да. Ты ж Чапая-то, поди, в глаза никогда не видывал. Вот он, Василий Иванович, в бурке стоит.

Мальчик Лоренгель недоверчиво покосился на деда:

– Это... Чапаев?!

– А кто ж ещё-то.

Парнишка впился глазами в фотографию:

– А это кто?

– А это его ординарец Петька.

– А это?

– А это Анка. Единственная в дивизии женщина-пулемётчик.

– А это кто с пробором?

– Хм, это, стало быть, я. Вишь, сапоги-то на мне офицерские. От Василь Иваныча, ...да.

– А это что за женщина?

– Это... жена моя – Надюша.

– Так она что, тоже с вами воевала?

– Вишь тут какая штука... Стал я собираться на фронт. Ну, прихожу домой, объявляю жене такое известие. А она спокойно так: «Одного не отпущу. Вместе поедем». Я сначала в бутылку полез: «Да кто тебя туда возьмёт-то? И потом не женское это дело войну воевать...». А она как камень, стоит на своём и точка. Так вместе и поехали. Она потом в дивизии у нас прачкой была.

Яша Лоренгель смотрел на деда Муху каким-то странным взглядом.

– Дедушка, если вы и сейчас врётё, то это совсем нехорошо.

Лицо деда Мухи посуровело: «Ты вот что, пацан, словами такими не того, не бросайся. Мал ещё винить меня, понял?!». Он отобрал у мальчика фотографию и, сердито засопев, полез в сундук.

– Эх, историки хреновы... Напридумывали невесть чего про Василь Иваныча. Анекдоты опять же, тьфу, пакость! А ведь он..., да что я перед тобой, Фомой неверующим.

Дед Муха выпрямился. В руках у него был какой-то брезентовый свёрток. Он закрыл сундук, сел на него и стал аккуратно разворачивать брезент.

– А с Василь Иванычем не так всё было, как они там понаписали. Погиб он, конечно, героически, это да. Но такой мучительной смертью, что врагу не пожелаешь.

Дед положил развёрнутый брезент на сундук возле себя. Пристыженный Лоренгель смотрел на кусок красного кумача, обгоревшего и простреленного в нескольких местах, и не верил своим глазам. Это, без сомнения, было настоящее боевое знамя. На обгоревшем куске красной материи ещё можно было сквозь распушенные полустёртые золотые нитки прочесть «25-я стр. дивиз...». Дед Муха перебирал пальцами обгоревшие места. Сдувал с материи чёрные точки пепла. Потом, расправив на коленях красный лоскут, посмотрел на мальчика исподлобья:

– Ну что, убедилси?

– Дедушка, извините. Я и предположить не мог!...

– Ты рот-то, закрой, а то галка залетит.

Выйдя за калитку, Яша Лоренгель обернулся, посмотрел на окна деда Мухи.

– Вот это ископаемое! Столько лет, и никому ничего не рассказать! Это же историческая сенсация! Так, спокойно. Во-первых, нужно сообщить представителям книги рекордов Гинесса. Сто двадцать четыре года..., обалдеть! А про музей революции и говорить нечего... Вот он – подленник! Лежит себе в сундуке у какого-то деда Мухи за восемьсот вёрст от Москвы. Да это же деньги! И деньги наверняка немалые!

Оседлав снегоход «Ямаха», мальчик рванул с места под дружный лай дворовых собак.

Глава пятнадцатая *(Визит генерала)*

Звонок в дверь оторвал меня от рукописи. На пороге стоял генерал левого фланга.

– Я извиняюсь, прошу прощения, что потревожил...

– Фёдор Макарович, дорогой! Да вы проходите, проходите.

– Юрий Фёдорович, я, по-видимому, забыл у вас...

– И очень хорошо, что забыли! Иначе бы я никогда не узнал, что вы замечательный писатель! – Генерал покраснел и застенчиво съёжился.

– Ну, это вы того..., черезчур. Вы, значит, что-то сумели там разобрать?

– Во-первых, приношу вам свои извинения, что без вашего разрешения залез к вам в папку. Но уж простите нахала. Слишком велик был соблазн...

– Да вам!... Да ради Бога, пожалуйста.
– Фёдор Макарыч, умоляю, оставьте мне ваши письма на один денёк.
– Если вам это интересно, пожалуйста, хоть на сколько.
– Вот и славно. По рюмочке не желаете?
– Да я на секунду... Мы, поди, и так вас вчера утомили.
– Фёдор Макарович, я настаиваю.
– Ну, коли так, не буду обижать хозяина. Кстати, у вас же нет сигарет! Я вот, захватил тут кое-что. – Генерал достал из внутреннего кармана бутылку водки, банку шпрот, сигареты, три мандарина и рулон краковской колбасы.

Вообще, я заметил, когда мы с ним оставались наедине, то генерал превращался в совершенно другого человека. Если бы его в этот момент видел кто-нибудь из его соратников, то они порядком бы были удивлены. Речь его в общении со мной изобиловала множеством изящных старинных оборотов. Мне почему-то в эти моменты казалось, что я слышу прекрасный ручеёк безукоризненной талантливой русской речи. И как это я раньше не догадывался, что мой генерал левого фланга – человек глубоко чувствующий, тонкий и безумно деликатный. Этот образ никак не вязался с жёстким, подчас безжалостным человеком, которого уважали и побаивались самые крутые авторитеты криминального мира.

Мы выпили, закусили. Генерал вскочил, стал торопливо одеваться.

– Вы куда, Фёдор Макарыч?

– Пора и честь знать. К тому же, у меня сегодня весьма насыщенный проклятущими делами день. Прошу прощение за кургузые посиделки. Всего вам, Юрий Фёдорович. Извините великодушно. – Он как-то виновато просунулся в дверь и по-детски улыбнулся: «Был весьма рад, до скорого».

Дорогой мой читатель. Ну, скажи, ведь прелесть человек, правда?

Так, поехали дальше. Ну, тут явно нужен шифровальщик. Я всматривался в совсем микроскопический почерк генерала. Как он умудрялся иногда писать так мелко, Бог его знает. Я принёс из комнаты лупу. С ней дело пошло гораздо быстрее. Только прочтя почти целую страницу, я наконец понял, что и как в ней скомпоновать. Генерал описывал раннее утро, когда Иван с участковым Бавыко и с дедом Мухой, решили пригнать во двор к Ивану автомашину, спасённого бедолаги-трезвяка.

Глава шестнадцатая

(Продолжение записок. Вызволнение милицейского «уазика» и встреча с Пушкиным)

Раннее утро встретило вывалившихся из избы Ивана, деда Муху и участкового Бавыко северо-восточным ветром и жуткой метелью. Бавыко посмотрел на своего боевого «уазика» и отвёл руку деда Мухи, который, пряча нос в полушубок, протягивал участковому веник: «Не, дедуль, тут лопата нужна. Вишь, по брюхо занесло».

Иван пошёл в сарай за лопатой. А дед Муха шмыгнул обратно в дом. Марья уже давно была на ногах. Она торопливо совала в пакет хлеб, консервы, колбасу.

– Дедуль, хоть вы еду возьмите. А то мой бестолковый, как пить дать, откажется.

– Давай, милая. Чего ж не взять. Пока мы туда, да пока оттуда. Неизвестно ещё выдернем ли из кювета машину. – Он посмотрел в окно.

– Марьюшка, иди-ка сюда. Посмотри на наших двух богатырей. – Марья подошла к окну. Иван и Бавыко двумя широкими лопатами раскидывали снег возле машины. Что один, что второй – оба загребали, как экскаваторы. Метель хлестала им в лицо

мокрый снег, но оба, как два сказочных героя-великана, поднимали огромные комья снега и шутя перебрасывали его через забор.

– Соревнуются, черти... – Марья смотрела на Ивана, и в глазах у неё был какой-то мягкий, нежный, матовый блеск. Мужики заметили в окне Марью и деда Муху и стали махать руками.

– Всё, Марьюшка, зовут, побежал я. Ты гостя-то не буди. Пусть поспит до краёв.

– Конечно, дедуль. Пусть хоть до вечера отдыхает. Ну, с Богом вам.

Участковый Бавыко вёл машину, напряжённо вглядываясь в ветровое стекло. Снег лепил неимоверно, и видимость была почти нулевая. Дед Муха, сидя на заднем сиденье, бормотал всем и никому: «Это правильно, что мы через просеку решили. Напрямую, как раз на большак и выйдем. Только бы в яму не сесть». При последних словах деда «уазик» тряхнуло вниз, и он зарылся носом в снег.

– Ну, дед, накаркал. – Бавыко сердито толкнул дверцу, вышел из машины. За ним вышел Иван и дед Муха.

– Урылись-то как, батюшки! – Дед Муха суетливо нагибался то к одному, то к другому колесу.

Неожиданно стихла метель. Бавыко снял полушубок, бросил его в машину. Иван, глядя на участкового, сделал то же самое. Оба стояли напротив друг друга, улыбались.

– Ну, что, Ваня. Слабо на руках вытащить?

– А тебе, товарищ участковый?

– Мне-то? Мне слабо никогда не бывает.

– А мне и подавно.

– Так, взяли?

– Так взяли!

– Э, э-э, погоди, ребятки. Тут нужно по команде, чтобы, значит, дружно. – Дед Муха приосанился, поднял вверх руки. – На раз – взяли, на два – подняли, на три – перенесли. Переносите влево на полный штанинный шаг. Внимание! Товсь! И раз!

Бавыко и Иван подошли к машине, обхватили бампер.

– И два! – Передние колёса оторвались от земли. Два богатыря держали на весу «уазик».

– Ежели нужно кому передохнуть, скажите. – Красный как рак Иван прохрипел: «Да командуй ты, чёрт старый!».

– И три! – «Уазик» встал на твёрдый наст.

Бавыко и Иван сидели на снегу, тяжело дыша. Участковый обтёр снегом лицо:

– А ты, Вань, крепче, чем я думал.

– Да и ты, лейтенант, позвонки в трусы не рассыпал, молодец.

Вдруг сзади них в морозной тишине громко хрустнула ветка. Все разом обернулись. Из леса на просеку на четвереньках вылезал негр. Он был без шапки. Полузастёгнутая телогрейка была одета на голое тело. Негр встал на ноги, отряхнулся и с распостёртыми объятиями пошёл на всю троицу:

– Товарищ Бавыко, Ваня, дедуль, слава Богу!

Все трое инстинктивно отпрянули назад. Дед Муха начал быстро крестить негра:

– Чур меня, Господи! Чур меня!

Негр в замешательстве остановился:

– Вы что, братцы, ужель не признали? Это ж я, Саня Пушкин!

Иван почему-то шёпотом произнёс:

– Видно вчера мы того, немного перебрали..., надо было похмелиться с утра... А вот теперь они и пришли.

Бавыко, медленно расстёгивая кобуру, спросил тоже шёпотом:

– Кто они-то?

– Да глюки, кто ж ещё-то!

Негр крепко, длинно выругался:

– Да вы что, мать вашу, совсем чтоль бухие?!

Через две минуты негра наконец признали. Это был действительно Саня Пушкин из соседней деревни. На поверку оказалось всё просто. Впрочем, предоставим лучше всё рассказать самому Пушкину.

– Разведусь я с этой лахудрой! Гадом буду, разведусь! Ведь чего гангрена удумала: «Санечка, тебе же завтра на работу. Иди, прими баньку, я там тебе всё приготовила...».

Саня зло сплюнул:

– Я шоферю для неё с утра до ночи!... «КАМАЗ» мне подержанный купила, купчиха хренова! Всей её роднёй складывались, торгаши вонючие. А всё для того, чтобы деньги рубить, как можно больше, как можно больше! У меня же нет ни лицензии, ни разрешения на частную деятельность. Только благодаря дружбанам-ментам и работаю. А ведь это сплошные нервы. Как, скажем, песок загрузить семь тонн, опять же, да клиенту на дачу хрен знает куда, где менты неродные. Всем отстегни, всех ублажи... А летом приезжаю после работы, так она сладенько так: «Санечка, ты мне грядочки под редиску не окучишь?».

Пушкин глубоко вздохнул:

– Дайте закурить что ли.

Сделав глубокую затяжку, Саня вдруг замолк. Дед Муха, Иван и Бавыко слушали Саню молча, не перебивая.

– Да, так вот. А редиской этой, пропади она к едрени матери, моя благоверная торгует каждую субботу и воскресенье. А это значит, что встать я должен в четыре часа утра. В прицеп на «Москвиче» всё погрузить и клячиться с ней на рынок. Отстоять там целый день... и так все выходные. А в понедельник – будь добр на работу. Не, эта лахудра меня точно между грядок положит! Сил моих больше нету. Как манны небесной зимы жду. Тут уж моя территория наступает. Могу иногда душу отвести. Клиентов – раз-два и обчёлся. Времени достаточно, чтобы про жизнь свою что-нибудь подумать... А она, стерва, всё следит за мной. Да исподтишка так, как лисица. К примеру, куплю я пол-литра, выпью перед обедом стаканчик, остальное спрячу где-нибудь в погребе или под застреху схороню. К ужину иду к своей заначке, а её уже и след простыл.

Тут дед Муха не выдержал, встрял:

– Это как?!

– А так! Нету нигде, и всё тут! Я сперва напрямки её спрашивал, куда, мол, запрятала...

– А она?

– А что она. Ей хоть кол на голове теши – ни в жизнь не расколется.

– Не брала, говорит, и всё тут.

Пушкин нервно затаился почти в ноль скуренной «примой», обжёг пальцы, опять длинно выругался.

– И ведь всё по-хитрому так, с вывертом! Ну, а тут загулял я маленько, значит. Нет, вы не подумайте. Три дня дома сидел, забастовку объявил. Выпивал, конечно, не без этого. И осталось у меня из всех моих запасов одна бутылка водки. Ну, думаю, её добыю и потихоньку начну отмакать. Пошёл я в гараж. Ну, он у меня знаете где, прям под домом. Там моя «блондиночка» была, так аккуратненько в колёсной шине спрятана. Только я туда, значит, спустился, как в этот момент мне в спину, как будто кто стрельнул. Я раз – и обернулся резко. Вижу сверху что-то свисает и блестит. Я пригляделся..., ни хрена себе! С первого этажа на верёвке висит зеркало бокового вида от моего «КАМАЗа». И в нём вижу я гангрена свою

лисью! Ну тут не выдержал я. Достал бутылку водки и внагляк прямо перед зеркалом этим выпил её в один присест. Гляжу, лисья морда из зеркала исчезла. Понял я тогда, как она за мною следила. Обидно душе стало до соплей. Сел на лавку перед дверью, закурил. А у самого руки трусятся. Убью, думаю и всё тут. А она, представляешь, как ни в чём не бывало, выходит так играючи и в баньку меня налаживает: «Иди, Санечка, иди. Я там для тебя всё приготовила».

– Не сказал я ей ничего. Полотенце молча взял и пошёл мыться. Парился долго. Всё складывал в уме её подлости. А потом видно расслабился. Да и злость куда-то ушла. Хрен с ней, думаю. Пусть живёт себе. И вспомнил я тогда, что в баньке на верхней полке в сенях заначка у меня забытая. Полбутылки водки, а рядом в кружке, в рукавице, пятьсот рублей. Полез я туда, нащупал бутылку. Да вот беда – у табуретки ножка сломалась. Упал я вниз, а бутылка, вся на меня пролилась. Смотрю, руки у меня какие-то лиловые. Грудь тоже. Глянул в зеркало – всё лицо тоже лиловое. Смотрю, а в бутылке моей вместо водки – синька налита. Ладно, думаю, ведьма. Уж деньги в кружке точно целые. Достая рукавицу из кружки, лезу в неё... и вместо пятихатки вынимаю аккуратно сложенный вчетверо лист бумаги. Разворачиваю, читаю: «Знай, урод, что я тебя насквозь вижу! Достал ты меня – больше некуда! Сиди теперь здесь взаперти и дожидайся санитаров из психушки. Только там тебе и место, дебил алкогольный. Прощай навсегда!».

– Я в дверь, а дверь заперта. Взъярился я тогда и окошко банное с корнем высадил. Кое-как пролез в него, изодрался весь и пошел, куда глаза глядят. А когда от такой измены очухался немного, гляжу, а места вокруг незнакомые. Ну, а тута и вы, слава те Господи.

Бавыко полез в машину, достал полушубок, укутал им Пушкина.

– Ты, Сань, успокойся. Залезай в машину, грейся пока. А то, вон, мураши-то на груди какие. – Пушкин действительно трясся всем телом. Мокрая чёлка на его лбу была вся в сосульках.

Иван сочувственно вздохнул:

– Эх, жалко мы с собой самогонки не взяли. Не ровён час заболит человек совсем.

– Вы-то не взяли, а вот дед Муха обо всём подумал. – С этими словами дед Муха вытащил из валенка бутылку.

Через несколько секунд на торпедо была разложена закуска. Саня, выпив стакан водки, закашлялся и стал ещё лиловее. Бавыко хрястнул Пушкина по спине, но видимо не рассчитал. От удара у Пушкина полилось всё обратно. Он судорожно пытался вздохнуть, но это ему не удавалось. Саня стал конвульсивно дёргаться и синеть.

К нему бросился Иван: «Не так надо!». Он рывком поднял вверх руки Пушкину, не давая тому согнуться пополам. В запале он не заметил, что оторвал Саню от земли, и тот висел в лапах Ивана, как осенний червяк-выползок на крючке у рыболова. Как ни странно, но такая мера помогла, и Саня стал потихоньку продыхиваться.

Дед Муха, наблюдая всё это, спокойно допив стакан самогонки, скомандовал Ивану:

– На землю ставь!... Да-а, ну вы, ребят, и лоси.

Иван, поставив Пушкина на землю, виновато оправдывался:

– Дедуль, да мы ж как лучше хотели...

Наконец Пушкин глубоко вздохнул и улыбнулся:

– Всё путём, мужики. Жаль, что только продукт обратно вышел.

Иван заботливо снимал сосульки с чёлки Сани:

– Это беда – не беда, сейчас повторишь. Только на этот раз горло раскрой, и чтоб всё одним глотком... Дед, ты что же, всю самогонку огулял? В одну дыню!?

Дед Муха, поставив пустую бутылку на снег, покачал головой:

– Ванюша, как ты мог обо мне такое...

Он нагнулся и достал из валенка вторую бутылку:

– Чтобы дед Муха кого-нибудь когда-нибудь обделил...

Всего в валенках у деда Мухи оказалось пять бутылок. Его тонкие костлявые ноги и просторные валенки позволили ему сделать такой запас.

Прошло полчаса. Пустая пятая бутылка водки выпала из машины. Мужики сосредоточенно курили. Бавыко барабанил пальцами-оковалками по рулю:

– Я чего думаю-то, Саня, у тебя твой «КАМАЗ» на ходу?

– А как же. Уж чего-чего, а за машиной я слежу. А зачем тебе?

– Думаю, что не выдернет мой «уазик» иномарку эту из кювета. До тебя отсюда рукой подать. А с «КАМАЗом» мы её легко...

– Погоди, я же выпивши...

– Решим...

– А вдруг мы приедем ко мне, а там санитары из психушки. Моя слов на ветер не бросает...

– Решим...

– Она может документы и ключи не дать...

– Решим...

– Если её довести, она Бог знает, чего может...

– Решим...

– Да?... Ну, тогда поехали!

Глава семнадцатая

(Из дневника генерала. В гостях у Марьи)

Марья поила гостя второй чашкой чая. Налив сполна, до краёв, закрыв краник у самовара, она обернулась к гостю:

– Вы, пожалуйста, не стесняйтесь. Может вам сахару побольше положить? А то первую-то выпили, всего две ложечки положили...

– Нет. Спасибо большое.

Гость сидел, сгорбившись, не поднимая глаз, сосредоточенно вертя в руках чайную ложку:

– Марья, вы извините меня, пожалуйста, за вчерашнее...

– Да чего там, с кем не бывает.

– Просто я вообще не пью, понимаете?

– Понимаю, чего ж не понять. Хвораете чем-нибудь?

– Да нет. Не в этом дело. Просто, когда я хоть немного выпиваю, то последствия после этого ужасны. То есть, организм мой алкоголь отвергает полностью. – Гость сконфуженно улыбнулся. – Вот такой я уродился.

– Это не беда. Вот мой Ваня, к примеру. Если, скажем, переберёт, правда это у него редко бывает, то такой дурной становится, жуть. Такое может отчубучить – цирку не снилось. Мне в этот момент с него так смешно..., так смешно...

– Марья, вы уж не держите зла на меня...

– Так, хватит извиняться. Ну-ка налетайте на бутерброд. И чтобы всё у меня съели!

– Спасибо вам за всё.

– Спасибо не отделаётся. Вот когда кашу доедите, скажу – пожалуйста.

В этот момент за дверью послышался топот. Дверь распахнулась. В неё вломился Иван. За ним участковый Бавыко, неся на плече безжизненное тело деда Мухи. За

ними Саня Пушкин со своей женой. У жены платок съехал на затылок, а пальто было застёгнуто наперекосяк. При виде Марии она бросилась к ней и крепко её обняла:

– Подруженька ты моя любимая! Наконец-то сподобилась до тебя добраться! А то всё некогда. Дела эти паршивые, тьфу! Пропади они пропадом!

– Марьюшка, принимай гостей! – Иван раскинул руки, подхватил Марью вместе с женой Пушкина, закружил обеих.

– Поставь на место. Вот вечно ты так, не предупредишь. Я бы хоть подготовилась.

– Не надо ничего готовить. Мы всё с собой принесли! – Иван опустил женщин и стал вынимать из карманов закуску.

– Во, гляди, красная икра. А это балык. А это кальмары твои любимые...– Тут только он заметил сидящего за столом гостя:

– Опаньки! Молодец-огурец, оклемался! Машину твою мы притащили, не волнуйся. Завтра Саня её наладит. Он у нас знаешь, какой механик? Золото! А сейчас гулять будем по случаю капитальной замирухи между Саней и его женой Людочкой! Лейтенант, что ты в дверях топчешься. Давай дедулю сгрузи на лавку, он через полчаса в себя придёт. А сам раздевайся по-быстрому!

Марья глядела на Ивана и улыбалась. Улыбалась искренне, от души. Она любила наблюдать, когда её Ваня был вот такой шептливой. Да и вообще, она его просто любила.

Гость затравленно забился в угол стола, наблюдая, как проворные руки Марьи расставляли тарелки и закуски. Через минуту всё уже было готово. Первую выпили за примирение Сани и Людочки. Вторую – опять за них. Третью – за хозяйку. На четвёртой все вспомнили про гостя. Гость тем временем умудрялся каждый раз при очередном тосте лишь слегка мочить губы в стакане.

Заметив это, Иван, подсев к гостю, шепнул ему на ухо:

– Если пить не будешь – убью за вот это..., вчерашнее.

Он красноречиво показал руками большие женские груди:

– Понял?

Гость с перепугу разом махнул стакан самогона. Сидящий рядом Бавыко потрепал гостя по плечу:

– Не бери в голову – это он так шутит.

И в этот раз хорошо сидели. Через полчаса, действительно, к ним присоединился оклемавшийся дед Муха. Людочка, вцепившись в рукав участковому Бавыко, проникновенно икала:

– А-алексей Васильич, да-арагой! С вами – да пусть он хоть упьётся! Я-а абсолютно споко-ойна и вам ж-оверяю...

Потом начались танцы. Танцевали все, кто как мог.

Под утро все спали прямо за столом. Не спали только Мария и жена Пушкина. Они сидели, обнявшись, подперев подбородки ладонями, задумчиво выводя:

–....Напрасны-ы, ты казак, стремисси-и, напрасны-ы мучаешь коня....

Глава восемнадцатая *(Неожиданный звонок в дверь)*

Неожиданный звонок в дверь вернул меня из уже полюбившегося мне небольшого царства-государства, где проживали все эти герои под вывеской деревни «Захлебино» в реальную жизнь.

На пороге стояли те самые два воина похмельного войска, которые дежурили возле бойлерной и отслеживали ситуацию на вверенном им участке.

- Мы того... за дальнейшими инструкциями...
- А также за дензнаками. – Добавил, смущаясь, второй, который был постарше.
- Конечно, конечно. Вот деньги. Инструкции же остаются прежними.
- Спасибо. Разрешите идти?
- Конечно, друзья, конечно. – Оба, тихонько прикрыв мою дверь, со слоновьей грацией, игнорируя лифт, ломанулись вниз по лестнице. Я с удовольствием вернулся к записям генерала.

Глава девятнадцатая *(Продолжение записей. Долгое застолье)*

Только через сутки Пушкин Александр смог приступить к починке автомобиля гостя.

Дед Муха босиком, осторожно утапливая худые ноги в пушистый глубокий снег, цаплей кружил возле машины гостя, поминутно спрашивая Саню:

- Ну, как?
- Дед, ты меня уже закакал. Когда почию, доложу тебе лично. А пока ступай в избу, погрей свои култышки. А то вон, икры-то у тебя синеть начали. Ты что, на старости лет моржом решил заделаться?
- Скажешь тоже, моржом. Это, Сань, необходимая для меня процедура. Как дело к ночи, так у меня ступни начинают гореть – сил нет. А как похожу босиком по снегу, то два, а то и три дня после этого сплю спокойно.
- Ты бы хоть штаны надел. А то бабы, что проходят мимо, смеются над стриптизом твоим.
- А пушай смеются. Мне до фонаря. А потом, какой же тут стриптиз? На мне шапка. Телогрейка опять же... А чтаны... зачем, чтоб намокли-то? Я же иногда и выше колен в снег ноги кунаю.
- Удивляюсь я на тебя, дед. Ты уже почитай с полчаса вокруг меня вышиваешь. Мороз градусов за двадцать будет. У кого-другого давно бы уж яйца зазвенели от холода. А тебе – хоть бы что. Да-а, организм ты, прямо скажем, редкостный.
- Дед Муха тем временем поднялся к себе на крыльцо. Не спеша обстучав босые ноги о половик, грустно бросил через плечо:
- Эх, Санечка. По совести сказать – нет у меня уже здоровьичка никакого.

В избе Ивана во всю гоняли чай. Марья испекла блинов, и все гости наяривали их с творогом, с вареньем, с икрой. Гость-трезвяк, уплетая за обе щёки, улыбался широкой доброй улыбкой:

– Друзья, вы все замечательные..., мне первый раз в жизни так хорошо..., спасибо вам за всё! А ведь никто из вас до сих пор не спросил, как меня зовут...

Иван, запивая молоком тринадцатый блин, хохотнул:

– Так, ты чай, не в милицию попал, а в гости, со всей нашей душой. А насчёт имени, так мы не любопытные..., и потом неудобно человека нового обо всём расспрашивать. Захочет – сам скажет.

Гость встал. Глаза его повлажнили. Он нервно сглотнул кадыком:

– Какие же вы тактичные, интеллигентные люди. В городе таких днём с огнём не сыщешь. Благодаря вам я здесь очень многое понял. И если с моей стороны моё желание сейчас не покажется вам наглостью...

Иван похлопал по плечу гостя, подбодрил:

– Да ты не тушуйся. Давай, говори, чего хочешь.

– То я..., то я сейчас бы выпил за вас тост. Вот... А зовут меня Андрей.

Бавыко, Иван, жена Сани Людмила – все весело засмеялись. Только Марья серьёзно смотрела на гостя:

– Андрюш, ты... очень хороший мужик. И сердце у тебя открытое..., молодец.

Она пошла в другую комнату. Через минуту вернулась с литровой бутылкой самогона. Иван встал из-за стола:

– Братцы, не годится так, неполным сбором. Надо бы Саню позвать, да и деда Муху кликнуть. А то один под машиной четвёртый час лежит, а другой с бодуна по снегу босиком в такой мороз выхаживал.

Людмила встала, подошла к окну:

– Вот за что люблю засранца этого. Пока дело не сделает – в рот ни капли не возьмёт. Так что, Вань, Саню звать бесполезно. Пока машину не наладит, ни на что отвлекаться не станет. Даже на выпивку. Однако пойду, проведу. Как бы не окошел в такой-то мороз, бедный.

Иван тоже подошёл к окну, глянул:

– Ты, Людок, не суетись. Вишь, Саня руки ветошью вытирает. Значит, конец работе.

Саня закрыл капот машины. Обернулся, увидел в окне Ивана и Людмилу, помахал им рукой. Затем сложил руки крестом, что, по всей видимости, означало: «Всё, баста! Принимайте аппарат».

– Ну, что я говорил. Так что, Андрюха, с тебя причитается за ремонт. Причём не просто причитается, а причитается с надбавкой. За ремонт в сложных климатических условиях.

– Так я что..., я готов. – Гость вытащил из кармана бумажник.

Бавыко, шутя, боднул гостя плечом:

– Ты чё-ё, без юмора совсем?

– Да неудобно, право..., человек на морозе – полдня...

– Ничо, Саня у нас привычный. А деньги спрячь, а то Саня увидит, обидится.

– Так как же тогда?...

– Я тебе скажу как. Ты ведь тост хотел сказать, да?

– Ну, да...

– Ну, вот и скажи... про Саню. Про то, какие у него руки золотые. Он у нас хоть и скромный, но когда его хвалят, то он от удовольствия аж рдеет, как девка.

– Алексей Васильевич, какой вы наблюдательный. Как верно подметили. Мой Саня, когда я его похваляю – горы может свернуть...

Иван хохотнул:

– Во-во, а ты, Людка, этим пользуешься.

– Есть грех, не скрою. Так если мужика ничем не занимать, то он тухнуть начинает. Сразу разбалакивается и в запой уходит. Не знаю, как другие, но мой – именно такой...

На этих словах дверь отворилась, и на пороге появился продрогший Саня:

– Привет честной компании. Рюмочку не нальёте? А то у меня аж кишки к спине примёрзли.

Иван быстро плескнул самогон в большой фужер, поднёс Сане:

– Кулибиным в первую очередь.

Пушкин, оттопырив мизинец, медленно, маленькими тягучими глотками, осушил фужер. Марья стояла рядом, держа наготове сочный солёный огурец. Саня аккуратно принял огурец, так же аккуратно его надкусил и стал высасывать из него мякоть. Наконец он оторвался от огурца и громко крикнул.

– Так, одного оживили. Теперь надо деда Муху позвать. – Иван направился к двери, но участковый его остановил:

– Вань, а пари хочешь?

- Какое, зачем?
- Спорим, что через две минуты дед Муха сюда сам заявится.
- С чего ты взял?
- А с того, что он выпивку чувствует за версту.
- Ну, даже не знаю...
- Давай, давай. Хотя бы на щелбан поспорим.
- Ну, давай...

В этот момент дверь отворилась, и на пороге появился дед Муха.

– Что-то мне, братцы, тревожно на душе. Котяра мой на подоконнике левой лапой цельный день морду наяривает. Гостей намывает. – Он, кряхтя, вытащил из широких шароваров бутылку самогона.

Марья приняла бутылку, поставила на стол. Людмила захлопала в ладоши, засмеялась:

– Ванюша, подставляй лоб Алексею Васильевичу!

Саня Пушкин азартно потёр ладони:

– Ну, сейчас будет выстрел! Кто-кто, а уж я его щелбаны знаю. Прошлой осенью поспорил наш участковый с одним капитаном... Не помню об чём спор вышел, но поспорили они на три щелбана. Капитан проиграл и подставил свой лоб. После первого щелбана у капитана глаза в разные стороны разъехались. Но тот виду не подал. Только перед вторым щелбаном взял и одел на голову фуражку. Одел и лыбится:

– Ты, лейтенант бей, бей. Уговора конкретного, в фуражке я буду или нет, – у нас с тобой не было.

– А капитан этот доложу я вам – такой гавнюк..., ну прямо подмышковое потенье..., да, а наш-то, видать, на него слегка осерчал тогда. Положил правую руку ему на лоб, всей левой оттянул средний палец и как саданёт! Верите, нет, – у капитана кокарда вдребезги, плюс сотрясение мозга. Неделю потом бедный дома отлёживался.

Бавыко улыбнулся:

- Ну и врун же ты, Саня.
- Чего?! Я врун?!...
- Совсем тогда кокарда и не разлетелась. Только помялась чуток...
- Чуток?! А кто веточки позолоченные с полу подбирал?... Я!..

Иван усадил трепыхавшегося от негодования Саню:

– Да ладно вам. Давайте лучше деда Муху поддержим, а то у него бедного на лице прям мучения выступают. Дедуль, тут Андрюха, гость наш, хочет тост произнести...

Дед Муха степенно, не суетясь, присел к столу, взял в руку полную рюмку водки:

– Тост – это хорошо. Значит, тебя Андрюхой величать? Ну, давай, Андрюха, говори. Послушаем твоё ответное слово.

– Друзья..., можно я теперь так вас буду называть?... Я никогда не думал, что встреча с вами так поменяет меня всего... Я, ведь, как раньше жил..., стыдно сказать. Карьера и деньги на первом месте. А всё остальное – неважно. А теперь я точно знаю, что самое важное в жизни – это когда ты можешь помочь людям бескорыстно, не ожидая ничего взамен. Александр, спасибо вам за ваши действительно золотые руки. Мне специалисты говорили, что у моей машины скоро кроется топливный насос ТНВД. Но я всё медлил, всё экономил. Думал поезжу ещё... Ой, вы меня извините, я говорить не умею. А сейчас волнуюсь, и у меня от этого всё путается. Короче, Александр, я не знаю, как вам удалось починить этот самый ТНВД. Знаю только одно: на таком морозе отремонтировать что-либо, на мой

взгляд, вообще невозможно. Я уж не говорю об аккумуляторе, который всё время разряжается бог весть от чего...

Гость замолчал. По его лицу текли слёзы. Он съёжился, отвернулся от стола.

Пушкин, громко и весело заполнил паузу:

– Андрюха, всё путем! Теперь твоя тачка будет с места рвать, как «Формула один». Я там кое-что изменил слегка...

– Эх, молодёжь! – Дед Муха встал, держа локоть параллельно земле. Рюмка в его руке слегка подрагивала, но водка, находившаяся в ней, как будто получила от кого-то приказ: «За края – ни капли!».

– Ты, Андрюх, верно, начал... хорошо. А что сбиваться стал, дак это ничего. Главное, что ты от всей души это..., да... А что такое, скажем, сегодняшний финансовый кризис, который лютует во всём мире? Ты, кстати обратил внимание, что никто из нас о нём ни гу-гу, ни полслова?

– Да, дедуль. Очень был этим удивлён и всё по этому поводу хотел спросить...

– погоди, Андрюх, не спеши. Сейчас я тебе всё отвечу. Видишь ли, так уж у нас, здесь, повелось. Если что худое случается, то мы не балабоним языками, а сразу начинаем с этим несчастьем бороться. Но сегодня, так уж и быть, коснусь я этого хренова кризиса. Ты думаешь, почему он, кризис всемирный, начался?

– Ой, дедуль, это всё долго и сложно рассказывать...

– Вот-вот, все вы «там» так думаете. А я тебе скажу на этот счёт своё, простое соображение. Кризис этот начался от грязной души человеческой. Вот где корень всего. Мы же ведь все рождаемся с чистой душой. А потом... Кто-то споткнулся, кто-то кого-то обманул. Ну, а кто-то и убил даже, прости Господи. А в писании сказано: «Не убий, не укради».

Дед Муха поднял кверху палец, посмотрел в потолок.

– А он, Господь-то наш, всё нас, грешных, не устаёт предупреждать. Вот теперь и представьте всё в мировом масштабе. Как только человек что-нибудь напакостит, то душа у него уже не чистая. А если не чистая, то нечистый – он уж тут как тут. Для него душа – самое сладкое. И начинает он её грешную поджирать потихоньку. А некоторые отчаявшиеся и слабые ему свою душу сразу оптом продают. За блага мирские или ещё за что. И начинает думать после этого человек: «Чего я, хуже других что ли?» Вон, сосед, чем больше грешит, тем больше у него денег приходит. А если денег много, то ты уже не простой людин, а господин. А господином-то быть ой как сладко. Так что погрешу-ка я, пока здесь на земле живу. А придёт пора помирать, так я у Господа прощения попрошу. Он ведь добрый, простит поди.

– Так вот, Андрюха..., раньше такие мысли приходили редко к кому. А сейчас, почитай, почти каждому. А это что значит? А это значит, что добро говном заляпали и фанерой накрыли...

Иван тихо спросил:

– А кто накрыл-то, дедуль?

– Как кто, уроды душегрязные. Это они так совесть свою захватить решили. Эх, дураки, дураки. Ровно дети в песочнице – нашкодили и в кусты.

Все внимательно слушали деда. Потому как по своему опыту знали, что дед Муха всегда говорит в точку. Его предсказания или догадки не раз оказывались правдой. Особенно внимательно слушал его участковый Бавыко. Он задумчиво разминал пальцами сигарету «Прима».

– Ты, дедуль, к чему ведёшь-то?

– А к тому, товарищ лейтенант, что очень много людей по всему миру деньги стали почитать пуще совести. А что такое совесть?... Совесть – это, братцы, продукт чистой души. А если душа вся в грязи вывалена, то совесть за этой коростой

спеленована, ровно младенец обгаженный: кричит, бедная, а на выходе её едва слышно...

– Ну, ты, дед, загнул. Хотя доля правды в твоих словах есть. Преступник мелкий нынче такой изошрённый стал. Даёт, скажем, показание... глаза чистые-чистые, ...а врёт всё бессовестно. По моим наблюдением – краснеть люди разучились...

– Во-во, и я об том же. Иной крупный воротила обманет, скажем, человек так миллион. Наживёт на этом миллиарды. И спит себе спокойно. А несчастные, обманутые эти: кто спивается, кто жилья лишается, а кто и с жизнью счёты сводит. А теперь представьте братцы, сколько на такой гниде грехов-то, вешать некуда. А его, тлю человеческую, по телевизору прославляют, книги о нём пишут, кино про него, паскуду, снимают. Вот и думает, глядя на него, простой честный человек: «Может так и надо? Может время сейчас такое, когда такие подлости в порядке вещей?...».

Гость, грустно улыбнувшись, прервал деда:

– Так что же делать-то, дедуль?

– Как что... жить честно. Себя блюсти. Вот представь себе, что вокруг такой гниды оказались одни честные люди. И никто этой сволочи, начиная с последнего его подчинённого, ему руки не подаст, а?

– Ну, такого никогда не будет. Потому что все его подчинённые получают очень хорошие деньги. И устроиться на работу к нему, считается, как правило, крупной удачей. И, конечно, никто ему не скажет, что он подлец, вор и тому подобное...

– Во-от! Вот вам всем и ответ! Страх обуял человека до последних судорог. Бойтся он восстать против...

– Дедушка Муха! Стоп! – Саня Пушкин картинно поддержал свою руку с рюмкой второй рукой. – У меня уже рука занемела...

– Эх, Саня, мозги у тебя занемели. – Дед обиженно сел, махнул рукой в сторону Пушкина.

Участковый Бавыко встал, кашлянул в кулак:

– Всё-таки не оставим без внимания все предыдущие тосты нашего гостя Андрея..., как вас по батюшке?

– До батюшки не дорос ещё..., просто Андрей.

– Так вот. Андрей и дед Муха, на мой взгляд, говорили в верном направлении. И все мы, соответственно, должны сделать из этого должные выводы. Кризиса нам бояться нечего. Руки-ноги пока у всех есть – это главное. Самое трудное здесь, на мой взгляд, как говорит дед Муха, «восстать» против гнид этих, которые на сегодняшний день занимают очень много жизненно важных ответственных постов. Что даёт им право делать свои гнилые делишки? Но, я отнюдь никого не призываю к революции, которая была в семнадцатом. Вот сидим мы здесь, сейчас, выпиваем, отдыхаем и всё такое прочее. А того не понимаем, что все вместе мы представляем огромную силу, которая вполне может противостоять и кризису и чиновникам-ловкачам...

– Погоди, Алексей Василич. Я чего-то не пойму. Каким-таким образом, например, я, как отдельная единица, могу повлиять на этот хренов кризис?... – Саня Пушкин, довольный, что так ловко поймал участкового, с победным видом оглядел всех присутствующих.

– Как раз ты-то, в первую очередь и можешь. Вот скажи мне. Что ты, к примеру, делаешь всю зиму, когда у тебя заканчивается халтура летняя, а?

– Как что..., ну, дома там, по хозяйству...

– Мелко всё это, Саня, мелко.

– А на хрена мне крупнить-то. Дай бог за зиму по дому дела переделать.

– Эх, Саня, Саня. Да с твоими талантами можно знаешь, как развернуться! Ты же сам мне рассказывал, что после школы, как только ты пошёл поступать в

автodorожный техникум, декан после собеседования, восхищённый твоими ответами, предложил тебе сразу заместо педагога принимать вступительные экзамены у студентов. Потому что равных тебе в теории машиностроения, как он тогда сказал, нету. Ты же уже с пяти лет разобрался в любой машине лучше любого автослесаря.

– Ну и что...

– А то, дорогой мой Саня, что такое явление у нас в России называется редким даром от природы. А проще говоря, Господь наделил тебя талантом, который ты используешь от силы на пять процентов.

– Хе-е. Интересно. Давай, развивай дальше.

– Пожалуйста, развиваю. Помнишь, ещё в школе ты изобрёл двигатель внутреннего сгорания. А топливом для такого двигателя могла быть простая вода. Помнишь?

– Ну, помню... и что?

– Помнишь, как я тебе помогал в школьной мастерской?

Спасибо Петровичу, учителю по труду. Он тогда не посмеялся над твоей затеей. Дал нам ключи от класса. И мы с Саней вдвоём ночами собирали этот двигатель. Да..., сколько мы его с тобой собирали?

– Полтора года.

– Полтора года! А помнишь химика нашего?

– Иван Евгеньевича? Как же, помню. Клёвый мужик. Жалко мне его, до сих пор. Вот умница-то был! Химический факультет Московского университета закончил. Редкая голова. Он мне за эти полтора года вбил в башку химии этой столько, что вполне бы хватило на весь химфак. А как гонял по математике! Гений. Если б не повесился, то крупным учёным мог бы стать...

– А чего же он в петлю-то полез, родимый? Ведь какой мужчина был видный.

Жена Сани сокрушённо закачала головой.

– А ты бы вообще помолчала, коза Егорьевская. Он тебе тройки ставил только из-за красивых ног. – Саня покраснел, нервно налил себе водки, выпил её в один глоток:

– Что верно, то верно. Мужик был видный. Точь в точь, Алан Делон. Все девчонки в него влюблены были поголовно. – Саня зыркнул на жену:

– И моя тоже хвостом перед ним вертела. Бывало выйдет к доске, не знает ни хрена. А глазки ему строит..., мел возьмёт и всё норовит повыше на доске написать. Что бы, значит, все видели, какие у неё ноги под мини-юбкой. И ещё ведь, стервь, на цыпочки встанет, икры напряжёт... Ну, а химик наш, царство ему небесное, любил всё прекрасное. Глядит на Людкины ноги, глаз оторвать не может. «Садитесь, – говорит, – Людочка. Только из-за того, что ваши ноги являются полной копией ног моей жены, Светочки, я вам ставлю удовлетворительно».

Пушкин опять налил себе водки, выпил:

– Вообще, открытый он был мужик..., прикрыть бы. Всё нам, ученикам, про себя рассказывал. Про Светочку свою, какая она у него красавица. Как любит она его. Как ради него из Москвы поехала вместе с ним сюда – в провинцию. А на Светочке его, прости Господи, пробы негде было ставить. Мужики в деревне его за глаза оленем называли. Не переспал с ней разве, что ленивый. А однажды случайно отменили тогда урок его, не помню почему... Приходит наш химик домой раньше и видит: кувыркается его Светочка с ветеринаром из соседней деревни. После этого он почти месяц в школе не появлялся. А потом, когда у нас должен быть его урок, вдруг приходит. Голова всклокоченная, руки трясутся. «Простите меня, дети, – говорит. – Больше у вас урока химии не будет». Вынул из портфеля бутылку водки, достал стакан, налил его до краёв и говорит: «Нет у меня больше ангела моего. Есть только

глупая суровая действительность». Стакан выпил, аккуратненько на краешек стола поставил и заплакал. Мы сидим – тише воды, ниже травы. А он губы сжал, слёзы кулаком вытер, встал, поклонился нам и вышел. А на следующий день мы все узнали, что он в сарае повесился. – Саня, ни на кого не глядя, опять налил себе, выпил.

– Ты пореже мечи-то. А то мне тебя потом домой не довести. – Саня недобро глянул на жену:

– Всё из-за вас, сук! Такой человек из жизни ушёл... Снится он мне часто. И, главное, сон один и тот же. Ты, говорит, Саня, в сплаве металла одну ошибку допустил. И только он мне, значит, начинает объяснять – какую, так я сразу просыпаюсь...

– Кажется мне, что разговор наш ушёл в сторону от сути... – Дед Муха постучал пальцем по столу.

– Во-первых, Алексей Васильевич не закончил свою мысль. А, во-вторых..., Саня, не начинай...

Все кроме гостя знали, если Саня начинает вспоминать свой сон, в котором ему является его учитель химии, то это уже сигнал. После этого, как правило, Пушкин становился агрессивным и неуправляемым. Так что дед Муха, которого очень уважал Саня Пушкин, очень вовремя попытался закрыть эту тему. Саня внимательно посмотрел на деда Муху:

– Прав, дедуль, прав. Перебивать тостующего нехорошо. Давай, Алексей Васильевич, говори дальше.

– Вот я и говорю: мельчишь ты, Саня, жизнь свою, как на тёрке. Тебе столько Богом дадено, ...а ты...

– Да чего ты, Васильич, ко мне привязался...

– Я ещё не привязался, а только подвязываюсь...

– Васильич, я человек нервный, ты меня не пугай.

– Саня, помолчи Христа ради. Дай Васильича дослушать. – Иван шутя закрыл рот Сани своей рукой.

– Васильич, ты не обращай внимания на темпераментного нашего. Давай, дуй дальше.

– Можно и дальше. Когда движок-то, что на воде мог работать, был у нас с Саней готов, то батя мой под это дело пожертвовал свой «Запорожец». Месяц мы вструмляли этот движок, попутно реконструируя все детали вокруг. В общем, не буду долго рассказывать. Скажу только, когда пришёл час нашего окончания всех работ..., посмотрели мы с Саней, молча друг на друга, заперли батин гараж и пошли спать.

Но спать из нас в ту ночь никто так и не смог. Помню, даже батя до утра не ложился. Всё курил на кухне, курил. Переживал за нас – пацанов, вишь-ты... – Тут уже не выдержал Саня, сидевший во время рассказа Бавыко как на иголках.

– А на утро-то, помнишь!... Вся деревня пришла поглазеть на наш позор и пустозатейство. Никто ж не верил, что драндулетина наша не то, что поедет, а даже заведётся – хрена лысого. – Пушкин наткнулся взглядом на сердитые глаза деда Мухи. Виновато приложил палец к губам.

Бавыко, всё это видя, улыбнулся в усы, продолжил:

– Вот, значит... Выкатываем мы наш чудо-автомобиль из гаража. А народу вокруг – почти как несанкционированный митинг. А нам с Саней почему-то вдруг жутко стало. А жутко стало оттого, что все стоят и молчат.

Батя мой, мужик не из пугливых, и тот не выдержал – побежал с нервяка в туалет. Ну тут улюлюканье и началось. Пошёл шутить народ на всю катушку. Спасибо тогда дедушке Мухе. Цыкнул на них троёматерно, и все как-то разом стихли. Ну, а мы с

Саней подходим к колодцу, набираем ведро воды, заливаем всё ведро через леечку в бак. Садимся в машину. Саня за руль. Я рядом. Саня ключом в зажигание попасть не может. А я ему почему-то не своим голосом говорю: «Не ссы в муку, заводи».

– Стоп! – Прервал дед Муха.

– Нужна пауза. Слишком сейчас – всё взволнованно. – Все, не сговариваясь, разом выпили.

Продолжай, Алексей Василич, продолжай.

– Ну, в общем, повернул Саня ключ... И движок... трих-тих-тих-тих, ровненько так задышал. Тут вся деревня на жопу и села. Врубил Саня передачу, и мы поехали. Целый день гоняли машину на разных режимах. Не заглохла ни разу! Да... Испытывали мы её больше недели. За это время хоть бы раз чихнула.

Батя мой после этого объявил нам так: «Вот что, хлопчики, я решил. В Москву нам на ней ехать надо. У меня там есть дружок. Поможет показать ваше изобретение кое-кому. В смысле серьёзным, научным людям». Собирались недолго. На следующий день и поехали. До Москвы добрались быстро, ни разу не сломавшись. Батин друг помог в этом вопросе оперативно. Принял нас какой-то научно-исследовательский институт. Ради нас даже собрали учёный совет. Самый главный у них, дотошный такой с бородёнкой жидкой, всё Саню пытал и какими-то непонятными терминами сыпал. А потом говорит: «Невозможно собрать такой двигатель в кустарных условиях. Вы, молодой человек, водите нас за нос. Чтобы такое сделать – нужна сложнейшая аппаратура, которая делает ту или иную деталь с точностью до микрона. Подозреваю, что конкурирующий с нами институт решил подшутить над нами. И, простите, послал вас под видом незадачливых актёров. Я бы, может быть, и поверил вам, если бы вы предоставили нам подробнейшие чертежи вашей так сказать научной разработки».

Батя мой при таких словах аж позеленел. По натуре человек горячий, такого он стерпеть не мог: «Тля ты вшивая. Вместо того, чтобы во всё вникнуть, ты над мальцом изгаляешься. Ты не доктор наук. Ты доктор мук для русского человека!». Плюнул он ему под ноги, усадил нас в машину. Демонстративно налил ведро воды в ихнем туалете. Заправил машину на глазах всего института и уехал с нами обратно. Пока ехали, батя матерился непрерывно. Мы слова боялись вставить. Так и закончилась наша эпопея с водяным изобретением.

Гость спросил: «А что стало с машиной?».

– Да ничего. Как только мы к деревне своей подъехали, батя скомандовал нам выйти из машины. Мы вышли. Батя повыкидывал все наши вещи прямо на землю. Потом сел за руль, разогнался, на ходу выскочил из «Запорожца»... А тот полетел прямо в реку с обрыва. Сашка плакал. Я его три дня водкой поил, успокаивал. На этом все и закончилось. С тех пор, Сань, у тебя к изобретениям руки отбиты, я знаю. Вот такие дела, Андрюха.

Все молчали. Только Пушкин методично постукивал вилкой по столу. Он как-то нервно, по-детски улыбался, уткнувшись глазами в тарелку. Желваки на его щеках пульсировали как маленькие игрушечные сердечки. Глаза у Сани были красными и влажными. Людмила аккуратно положила ему руку на плечо. Прошептала быстро, чтобы никто не слышал: «Родной, ну что ты..., не надо».

Бавыко налил себе рюмку, встал:

– Саня, я хочу выпить за тебя. За твой талант. А прежде всего, за то, чтобы ты, несмотря ни на что, претворил в жизнь свою мечту.

Дед Муха оживился:

– Вот это правильно, Василич. Молодец! Поддержим тост.

Все поддержали. Потом ещё раз поддержали. Потом ещё.

Глава двадцатая

(Из дневника генерала. Ошибочка вышла)

Ранним утром следующего дня дед Муха в одних трусах и телогрейке выхаживал по сугробам цаплей, по-стариковски крикая при каждом шаге. При этом он напевал себе под нос одно и то же: «Трусы мочить не надо, прохладная отрада...». Он был предельно сосредоточен на своей процедуре. Поэтому не заметил, как возле его дома остановился большой блестящий автобус иностранного производства. Двери его бесшумно раскрылись, и через минуту возле калитки деда стояли люди в ярких, разноцветных пуховиках. Дед Муха, ничуть не смутившись, степенно подошёл к калитке.

– Что желаете, люди добрые?

Молодая высокая блондинка в белых ботфортах, в шикарной белой шубе нараспашку выступила вперёд:

- Здравствуйте. Здесь живёт Муха Александр Игнатьевич?
- Азм, я оный и есть. Чем могу?
- Мы делегированы к вам, ...в общем, мы комиссия от книги рекордов Гиннеса.
- Каких рекордов?
- Простите, вы разве не в курсе вашей заявки?
- Извиняюсь, но я ни на кого не заявлял.
- Ну как же... Вы послали заявку в книгу рекордов Гиннеса...
- Стоп, ребя. Давайте спокойно разберёмся в тепле. Заходите в дом.

Хлебосольный от природы дед Муха потчевал гостей на всю катушку. Из погреба было вынуто всё что можно: яблоки мочёные, огурцы различной засолки, помидоры, и даже засоленный арбуз. Отменнейшее сало, широкими нарезанными ломтями, свисало с большой гостевой тарелки. Каждого из делегации дед Муха заставил попробовать свой фирменный напиток, настоящий на кедровом орехе. Уже через полчаса гости дружно галдели, поднимая рюмки, чокаясь с большим удовольствием.

Когда дед понял, что к чему, то глаза его заблестели каким-то особенным огоньком. Мало кто знал, что означал такой огонёк в глазах деда Мухи. Разве что сосед Иван. Да и тот, однажды увидев такой огонёк, будучи навеселе, сразу протрезвел. Дед Муха, продолжая потчевать своих гостей, в пятый раз терпеливо объяснял блондинке-переводчику:

– Нет, милая, нет. Ошибочка тут явная. Какие сто двадцать лет. Мне в этом году только восемьдесят девятый пошёл. Так что, милая, ошибочка это.

– Вы понимаете, редко кому удаётся пробить ускоренную заявку на рассмотрение. А тут, можно сказать, так всё быстро было сделано..., странно.

– Милая, а кто на меня заявку-то подавал?

– Некий Лоренгель.

Огонёк в глазах деда Мухи засветился ещё ярче:

– Не знаю такого даже. Вот незадача.

Весело галдя, гости шумно садились в автобус. Деда Муху обнимали, целовали. Когда автобус тронулся, вся делегация прильнула к окнам и по чьей-то отмашке дружно крикнула: «До шви-да-нь-я-я!».

Дед Муха долго махал им вслед. Когда автобус скрылся за поворотом, улыбка на лице деда Мухи исчезла. Между валенок у него, урча, тёрся кот. Дед наклонился, взял кота на руки:

– Ах, ты, ведун мой..., тудыт, тя, растудыт. Ну, папа Лоренгель, погоди...

В этот момент в конце улицы показался снегоход. Дед улыбнулся нехорошей улыбкой. Снегоход подъехал к деду, остановился:

– Извините. Дедушка Муха – не вы будете?

- Я, милый, я...
- Здравствуйте. Я папа Якова. Мне нужно с вами поговорить.
- Отчего же не поговорить. Поговорить можно. Прошу в дом.

Глава двадцать первая

(Продолжение записей. Родственные души)

Отец Якова сидел за столом понурый, сжав кулаки. На вид ему было лет пятьдесят с небольшим. Его седые виски, огромные карие глаза и волевое лицо сразу понравились деду Мухе:

- Как, извини, величать-то тебя?
- Евгений Михайлович.

– Вот что, Михалыч. Ты на Яшку шибко-то не серчай. Трёпку задай, конечно. Но рукою не трогай. Он у тебя парень с головой. Такое придумать, знаешь, не каждому дано...

– Вот именно, не каждому. Где-то я его упустил..., просмотрел. Я, говорит, папа, сто тысяч долларов хотел заработать. С дедушкой Мухой поделился бы честно – пятьдесят на пятьдесят..., засранец.

- Ишь – ты, значит, всё-таки поделился бы...

– Меня что удручает-то. Ведь всё это он прокрутил через подставных лиц. И ведь нашёл мужиков, которые согласились. А мужики-то не местные...

- Хорош, Михалыч. Давай-ка мы с тобой за знакомство.

Долго в тот вечер горел свет в окне у деда Мухи. Долго, по-хорошему, по-русски сидели двое людей и говорили всё, что у них на душе. Не одну и не две чарки опрокинули они прежде, чем начать душевный разговор.

– А я-то, грешным делом, думал, что ты болото выкупил для того, чтобы его осушить.

– Не, дедуль, как можно. Я, если честно сказать, только ради этого болота и поселился здесь. Всё бросил. Москву, преподавание на кафедре в «Тимирязевке». Продав квартиру и сюда..., начинать с чистого листа.

- Рисковый ты мужик. А не страшно было начинать-то всё сызнова?

– После смерти Венечки – мне уже ничего не страшно. Грех сказать, но любил я его больше, чем Яшку. Хоть и старший сын. Он ведь у меня был очень крупным учёным. Десять лет работал над проблемой рака. Была у него своя лаборатория. И людей подобрал – умницы все. Хотел сделать лекарство на основе одного растения, которое растёт на болотах. Полушник тончайший называется.

- Это «денежник», что ли?

Евгений удивлённо посмотрел на деда:

– А вы и травы знаете? Да, в простонародье его так называют. Так вот, пришёл Венька однажды домой. Радостный. Лицо всё светится: «Батя, ещё годик и лекарство будет готово. Я всё рассчитал!». Рассчитал, да не всё. Через месяц, когда он поздно возвращался с работы, забили его битами скинхеды, ублюдки... После его смерти я решил, что самой лучшей памятью о нём будет продолжение его дела. Поговорил с ребятами из его лаборатории. Им тогда туго приходилось. Проект закрыли. Финансирование прекратилось. Ну, а я решил так – сам финансировать ребят. Для этого продал две квартиры в Москве. Приехал сюда, узнав, что у вас на болоте есть это растение. Я ведь долго искал. Этот полушник – он записан в Красную книгу. А у вас он есть. Теперь вот снабжаю их этим полушником и, вообще, помогаю, чем могу.

- А жена не возражает против такого?

– Нет у меня жены. Умерла... от рака. Четырнадцать лет назад. После этого, Венечка и решил заниматься этой темой. Любил он очень мамку свою. Давайте выпьем... за неё. Она была прекрасным человеком..., царствие ей небесное.

– Михалыч, ты, я смотрю, совсем не закусываешь. Так негоже. Окорочка попробуй, огурчик положи...

– Спасибо, Александр Игнатьевич. Вы меня уж и так напотчевали по-королевски. А скажите, мне просто интересно. Яшка мне про Чапая рассказывал. Ну, о том, что вы,...хотя извините за дурацкий вопрос. Он у меня фантазёр ещё тот...

– Да нет, Женюр, здесь, как раз, всё без фантазии.

– Как же тогда..., не понимаю.

– Яшка тебе правду сказал. В 25-й стрелковой дивизии я действительно воевал. И то, что мне сто двадцать три года – это тоже, правда. Только видишь в чём дело... по паспорту мне восемьдесят восемь. Тут такая петрушка вышла. В начале пятидесятых, точный год не помню, случился у нас в колхозе большой пожар. Загорелись сразу коровник и дом правления. Вредительство было, наверное. Ну и все документы подчистую сгорели. Председатель наш – фронтовик с ранениями шибко страдал памятью. Забывал, кого как зовут, а уж если за воротник заложит, то неделю вообще ничего не помнил. Страдал он от этого здорово. Мучался, бедный. Поэтому попросил однажды всех колхозников сдать свои паспорта ему в правление. Иногда, бывало, прежде чем по дворам пойти, засядет у себя в кабинете и полдня паспорта наши изучает, чтобы Игната не назвать Фёдором. У него даже картотека была своя. Двор такой-то...– Кузьмины. Такой-то...– Прошины. И всё это он держал у себя на столе. Ну, а когда пожар случился – кранты всем документам. Председателя сразу отстранили, потом увезли куда-то на чёрной «эмке». Так больше мы его и не видели. Ну, а когда настала пора мне документ новый править, то я и скинул себе по возрасту. Надо сказать, порядочно скинул. Хоть и страшно было государство обманывать, а всё-таки пошёл на это. В колхозе я был тогда человек новый, приезжий. Так что никто особенно не интересовался моим возрастом.

– Александр Игнатич, а для чего вы...

– Для чего? Кхе... Надюша, жена моя, померла в сорок третьем. Кроме неё у меня никого не было. К тому времени в бобылях я уж девятый или десятый год ходил. И надо ж такому случиться... влюбился я, ну, словно юнец молодой. Наша порода всегда выглядела моложе лет на двадцать, а то и на двадцать пять. А мне в ту пору было уже за семьдесят. А зазнобе моей – тридцать с небольшим. Причём заметь, она меня почти за ровесника держала. Ну что мне было делать. Ради любви на всё пойдёшь. Вот я и скинул себе при оформлении документов тридцать пять годков. Любились мы недолго. Сукой оказалась подстилочной. Бывают, знаешь, такие тихушницы-давалки. Застал её как-то случайно на сеновале с одним трактористом. Кулак у меня тогда крепкий был. Её трогать не стал. Пожалел. А трактористу, что в драку на меня полез, челюсть свернул. На этом наша любовь и закончилась. Вот тебе, Женюр, и весь мой рассказ.

– Да-а, дедуль. Чудеса. Если б не знал, не поверил бы. На вид вам больше восьмидесяти не дашь.

– Кхе-е. Дашь – не дашь, знает только карандаш. Так что, можно сказать, выпивал ты сегодня с осколком империи.

Глава двадцать вторая *(Заключительная)*

Я отложил рукопись в сторону и закурил. В душе у меня что-то переворачивалось. Переворачивалось медленно, мощно и неотвратно. Всё, чем я раньше жил, показалось мне каким-то несуществующим бредом, жалкой, ненужной суетой. Я взял водку со стола, пошёл на кухню и вылил её в раковину. Всё. Больше я так жить не могу. Не могу и не хочу. Прощай, дорогой мой читатель. Извини, если что не так.

Послесловие *(Из дневника генерала)*

На этом совсем не обрывается жизнь Юрия Соколова.

Через два месяца после встречи с тобой, дорогой читатель, он бросил всё и уехал в деревню «Захлёбино». Там живёт и по сей день. Женится. Женится на той самой девушке Розе. У них замечательная семья, дети. Два мальчика. Одному три, другому полтора годика. С Иваном, Марьей, дедом Мухой, Бавыко, Саней Пушкиным – они по-настоящему друзья.

Каждодневно выпивать он бросил. Потому что «чипы-зомби» там никого практически не беспокоят. Так же он близко сошёлся с Евгением Михайловичем Лоренгель. Когда я недавно к нему заезжал, то застал его на болоте, где он, счастливый, по пояс в воде, собирал полушник тончайший.

Бывший генерал правого фланга.

(с) Соколов Ю.Ф.

Юрий Федорович Соколов

Чистая душа.

Редактор

Евстигнеев С.В.

По вопросам издания книги обращаться по тел. 8-915-473-63-40

Юрий Федорович Соколов - заслуженный артист РФ, актер театра им. В. Маяковского. Писатель, сценарист, автор и исполнитель песен.

“Чистая душа” - отчасти эссе о русской душе, где в своеобразной гротесковой форме идет изложение, начиная с исповеди русского пьющего интеллигента и заканчивая историями из жизни жителей русской “глубинки”.

Живой язык, яркие образы, тонкий юмор и ирония. Книга никого не оставит равнодушным, вызывая в процессе чтения самые разнообразные эмоции: от неприятия до истинного удовольствия. А кому-то даже поможет найти ответ на актуальные вопросы.